Д. Эрдэ

Годы бури и натиска

ГИТЛ
Э 836 р

1

Государственное издательство
Украины

ГИЗ Р
Э 836

Д. ЭРДЭ

ГОДЫ БУРИ И НАТИСКА

КНИГА ПЕРВАЯ

НА ЛЕВОБЕРЕЖЬИ

1917

Государственное Издательство Украины
1923

2 Экз

ИНВЕНТАРИЗАЦИЯ
2008

ГПП
3836
Библиотека
Института В. И. Ленина
№ 5034 91668
1923
сф 91665
24878

1-я Государственная Типография им. Петровского Г. И.

Р.У.П. № 1713. Зак. № 520. Тираж 10000.

По сложности, поучительности, обнаженности классовых противоречий, история революционной борьбы на Украине представляет исключительный интерес. Недаром история революции на Украине, ее противоречия, движущие силы, особенности — так влекут к себе молодых историков. Мне приходилось самому слышать жалобы на то, что революция в России менее изучена и вызывает к себе менее острый интерес, чем революция на Украине. Что удивительного? Где еще мелькали с такой стремительностью десятки и сотни политических фигур? Какая другая Республика, входящая в Советский Союз, может похвастать таким разнообразием властей за такое короткое время?

Эта калейдоскопичность имеет, конечно, свои причины, и без уяснения их нельзя понять особенностей борьбы на Украине во всех ее фазисах. При самом внимательном изучении хода революции на Украине мы получим лишь фотографию, а не живую в своих противоречиях и внутренне оправдываемую картину борьбы, если не учтем этих особенностей. Нельзя, например, и шагу ступить в изучении революционной борьбы последних лет на Украине без выявления корней интервенции и ее политических последствий.

С интервенцией у нас связаны одинаково успехи буржуазно-офицерской петлюровской контр-революции и помещичье-генеральской реакции. Падение Первой Украинской Советской Республики (в апреле 1918 года) было вызвано, главным образом, вторжением немцев в пределы Украины. Военное поражение Второй Украинской Советской Республики (в августе 1918 года) обуславливалось, с одной стороны, техническим превосходством деникинских частей, снаряженных стараниями союзников, и, с другой стороны,

необычайным расцветом бандитизма в тылу. Корни отечественной батьковщины и атаманщины опять-таки уходят в интервенцию.

Это не все. Надо еще учесть особенности украинского селянства. Пока, к сожалению, сделано немного для углубленного анализа социально-экономических расслоений украинской деревни в советские годы.

Я хотел бы, однако, подчеркнуть опасность, связанную с вульгарным об'яснением наших неудач в прошлом одними лишь «об'ективными условиями». Не надо забывать, что, хотя мы сейчас и пишем свои воспоминания и очерки о революции, но мы не просто историки, а еще и участники событий. Нам следовало бы смелее признаваться в старых ошибках.

Нет сомнения, что в 1917—18 г.г. мы на Украине совершили грубейшую ошибку, проглядев национальный момент в развитии революции; в 1919 году совершили не менее грубую ошибку, принявшись рьяно за насаждение коммуны в украинской деревне. Другими словами, ошибки были допущены в самых основных вопросах.

Отсюда выводы: усиленное внимание национальному вопросу, деревне. Эти два вопроса представляют, в сущности, один вопрос: о сохранении нашей тесной политической дружбы с деревней. Осторожность в национальном вопросе диктуется не только общей заинтересованностью пролетариата в полном освобождении угнетенных наций вообще, но и конкретными перспективами национального движения на Украине.

Рабочий класс, который должен смотреть далеко вперед, должен быть готов к тому, что ближайший период может дать новую приливную волну национализма, и что разложение старой национально-буржуазной контр-революции не воспрепятствует этому процессу, так как национализм может быть взращен на почве реставрации деревенской буржуазии.

Мы можем сейчас под критическим углом зрения рассмотреть позиции «правобережцев» и «левобережцев» («киевлян» и «харьковцев») по национальному вопросу

в первые годы революции — об этом идет речь в первой и, особенно, во второй частях моих очерков, — проанализировать роль ЦИКУК (Центрального Исполнительного Комитета Советов Украины первого состава), выявить дальнейшие разногласия среди «харьковцев», «полтавцев», «екатеринославцев» и «киевлян» в тот период, уяснить особенности гражданской войны в украинской деревне и ее специфически украинского продукта: бандитизма, махновщины, атаманщины.

Я не сомневаюсь, что мои очерки не исчерпывают и в сотой доле всего богатства политических событий эпохи. Но за что можно поручиться, — это, что в них должен был отразиться Sturm und Drang — период, буря и натиск великой эпохи.

Только сейчас, оглядываясь назад, видишь, как густо было насыщено это время политическими эффектами огромной классовой силы. Это был вихрь событий, и я хотел отразить его посильно в своих очерках. Стремительность, величайшая динамичность эпохи — может научить многому.

Мои очерки — не только воспоминания. Хотелось дать более широкое полотно — пока удалось набросать только этюды, заполняющие некоторые пробелы. Я выбрал моменты, мало освещенные в нашей историко-революционной литературе, — так пышно сейчас разрастающейся, — и вместе с тем характерные.

В первой книге освещена позиция «харьковцев» в 1917 году («на Левобережьи»).

Во второй — позиция «киевлян»; в ней же дан абрис национального момента и исторического поединка между Радой и ЦИКУК («Рада и ЦИКУК»).

В третьей даны иллюстрации гражданской войны в украинской деревне («Махновщина и атаманщина»).

Харьков, апрель 1923 г.

Д. Э.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ХАРЬКОВ В ФЕВРАЛЬСКИЕ ДНИ

«На Шипке все спокойно».—Городской Общественный Комитет.—«Законно-ли Временное Правительство?»—Жандармы за новую власть.—Аресты.—Среди солдат.—На заводах.—Совет рабочих депутатов.—Был-ли Исполком «властью»?—Деревне нужна «новая власть».—Призыв большевиков к «гражданской войне».

До самых последних дней самодержавия Харьков жил «обычной жизнью» крупного центра. Трудовые массы изнывали в очередях («хвостах»). Наружных признаков близкой революции не было.

Недовольство ушло во-внутрь. Партийные группы (революционные и реакционные — одинаково) влачили незавидное существование. Партия — мозг класса — развивается вместе с классом, а царизм душил даже формальную «свободу» классовой борьбы, которая знаменует «демократический» буржуазный строй.

В такой политической атмосфере дышалось с трудом не только рабочим, не только крестьянам, но и буржуазии. Другой вопрос, как далеко буржуазия хотела и могла итти против царизма. «Война с механической наглядностью обнаружила об'ективную несостоятельность режима», но, как справедливо писал Л. Троцкий еще в 1915 году [1]), «сама по себе война, с ее поражениями, не создала ни революционной проблемы, ни революционных сил для ее разрешения».

26 февраля на Шипке было еще все спокойно (я говорю о Харькове). 27 февраля мы получили первое «оффициальное сообщение о беспорядках в Петрограде», и собственный корреспондент местной буржуазной газеты «Южный Край» сообщал, что «во время столкновения толпы демонстрантов с полицией есть пострадавшие». В той же газете глухо сообщалось о том, что в Петрограде «оффициально опубликованное об'явление генерала Хабалова развешивается к сведению публики». Какое об'явление? О чем оно говорит? Напрасно было искать ответа на этот и другие

---

[1]) «Наше Слово», Париж, 19 декабря 1915 г.

вопросы, невольно возникавшие в связи с первым неясным сообщением. 1-го марта «Южный Край» вышел сильно плешивым. Информация о развернувшихся в столицах событиях ограничивалась краткими телефонограммами из Москвы. В последних «наш корреспондент» сообщал, во-первых, что «в Москве тихо», а, во-вторых, что он «получал в течение всего вчерашнего вечера сведения из Петербурга». О самих сведениях—опять ни слова, так как их, повидимому, не пропускала цензура. Только 3-го марта в газетах появилось знаменитое воззвание Временного Комитета Государственной Думы [1]).

Но о революции, конечно, узнали раньше. Еще 27 февраля вечером в редакции «Южного Края» происходило совещание буржуазных «общественных деятелей», занявшихся проблемой организации «общественного порядка» в городе [2]). На другой же день, 28 февраля, должно было состояться экстренное заседание Городской Думы, но, ввиду запрещения управляющего губернией Н. А. Астафьевым (ослушаться его превосходительства гг. гласные не решились),—состоялось только совещание гласных в кабинете городского головы. Совещание решило «на всякий случай» выделить из своей среды «Городской Общественный Комитет», пополненный затем представителями разных организаций, в том числе и советов [3]).

В Комитет попали виднейшие представители буржуазной общественности: профессора, промышленники, адвокаты, земцы-помещики, попы и другие.

---

[1]) «Временный Комитет членов Государственной Думы при тяжелых условиях внутренней разрухи, вызванной мерами старого правительства, нашел себя вынужденным взять в свои руки восстановление в государстве общественного порядка» и т. п.

[2]) «Южный Край» пытался несколько раз играть роль парижской газеты «National», которая, как известно, была политическим центром либеральной буржуазии в революциях 30 и 48 гг. Акции «Южного Края» принадлежали до мая 1917 г. известному харьковскому миллионеру А. А. Иозефовичу, а после Е. А. Москову, фактически партии народной свободы, одним из лидеров которой был присяжный поверенный Е. А. Москов.

[3]) В харьковской провинции трусливость «общественных деятелей» (цензовых) носила совсем неприкрытый характер. В Сумах гласные Городской Думы приняли 2 марта резолюцию «выжидать»...

Общественный Комитет претендовал на полноту представительства всех слоев населения губернии, а потому давал приют случайным элементам. Даже евангелисты-христиане имели своего особого представителя в Комитете [1]). Председателем Комитета был А. Н. Корытин, товарищем председателя—Н. Н. Ковалевский (одно место товарища председателя цензовики «любезно» соглашались дать рабочим), секретарями—представители «демократии»: Б. С. Одер (кооператор) и М. И. Иваницкий.

Общественный Комитет выделил Исполнительный Комитет в составе 8 представителей от Общественного Комитета, 7 от рабочих, 1 от Земского Союза и 1 от студенчества [2]).

Так был сконструирован «высший орган власти» в Харькове и губернии. Удивительно ли, что эту власть считали с в о е й такие солидные буржуазные организации, как биржевой комитет, купеческое общество и другие.

В Городском Общественном Комитете сидели, что называется, «тузы».

---

[1]) Привожу, как историческую справку, первый состав Городского Общественного Комитета, выделенного вечером 28-го февраля в кабинете городского головы: А. Н. Анцыферов, Р. Ю. Будберг, И. К. Гришенко, П. П. Добросельский, А. П. Егоров, М. И. Игнатищев, И. Г. Ковалевский, А. Н. Корытин, И. А. Красусский, С. М. Кузнецов, А. М. Линицкий, Е. А. Москов, А. А. Поддубный, А. М. Порхаев, С. А. Раевский, А. В. Рутченко, И. Е. Трескин, А. И. Фенин, И. Г. Сергеев; от союза городов в Комитет вошли: М. А. Френкель, Л. Н. Переверзев, В. В. Фавр и другие. Городской Общественный Комитет кооптировал в свой состав Н. Н. Ковалевского (бывшего члена Государственной Думы), Г. М. Линтварева, П. Р. Богуславского и В. Т. Окунева.

Партийная окраска Комитета была—кадетская.

В состав Комитета вошли: председатель общества фабрикантов и заводчиков, купеческий староста, горнопромышленники и прочие. Один любопытный штрих. Многие из названных лиц (Анцыферов, Кузнецов, Москов, Корытин, Раевский) входили в Попечительный Совет Харьковского «Дома Наук» (впоследствии переименованного в «Народный Университет»), и уже п о с л е р е в о л ю ц и и в названном «Доме Наук» читались лекции... О Сергие Радонежском!

[2]) Впоследствии состав Исполнительного Комитета менялся несколько раз. Кстати, о студенчестве. Его роль была блеклой, если не считать сходки 2-го марта в Технологическом Институте, на которой студенты поставили вопрос об освобождении политических.

«Законно»-ли Временное Правительство? Об этом говорили с серьезным видом, приводя доказательства за и против[1]).

Раз Временное Правительство есть «законный» орган власти, то ему следует подчиняться,— убеждали адвокаты. Любопытно, что председатель биржевого комитета, П. Рыжов, счел нужным подчеркнуть в своей приветственной телеграмме, отправленной М. В. Родзянко и Министру Торговли и Промышленности, что биржевой комитет «присоединяется к призыву нового правительства беспрекословно исполнять его законные распоряжения»...

Купеческий староста, М. Игнатищев, приветствовал Государственную Думу «и созданное ею новое Правительство, которое поведет нашу многострадальную матушку-Россию прежде всего к победе над врагом и вместе с тем к светлому будущему». Совет С'езда Горнопромышленников Юга России давал обещание приложить все свои силы «для служения горячо любимой обновленной России» и напречь «все усилия для поддержания в порядке промышленности, поколебленной тягостными условиями последнего времени»—обещание, которое горнопромышленники так блестяще «сдержали», как это показала локаутная политика в течение всего дальнейшего революционного периода. Итак, купцы, горнопромышленники, профессора, адвокаты—весь цвет буржуазии и буржуазной интеллигенции перешел безболезненно в лагерь «революции». Самодержавие повисло в воздухе. От него отвернулись черезчур уж поспешно даже полицейские и жандармы. Такова была сила «всенародного» под'ема! Общее собрание полицейских во главе с полициймейстером фон-дер-Ховеном, последовав общему примеру, решило приветствовать «Новое Временное Правительство, избранное из числа народных представителей, облеченных доверием всей страны». В распоряжение Харьковского Городского Общественного Комитета

---

[1]) Присяжный поверенный Б. П. Куликов, очевидец петербургских событий, выступал повсюду с докладами, в которых доказывал, что Временное Правительство образовалось вполне «законным» путем, так как Николай II отказался, «хотя и под давлением, но добровольно» от престола, а Михаил Александрович, которому Николай передал престол, передал разрешение вопроса Учредительному Собранию.

отдал себя жандармский подполковник Рахманинов и с ним 53 жандармских унтер-офицера [1]).

Даже высшие чины старого режима спешили скорее припасть к стопам нового хозяина—буржуазии и созданного ею Городского Общественного Комитета. 3-го марта Городской Общественный Комитет принужден был под давлением требований рабочих произвести ряд арестов наиболее одиозных фигур павшего режима [2]).

Губернатора в ту пору не оказалось в городе. Пришли к вице-губернатору, управлявшему губернией.

Какие-то офицеры (штабс-капитан и прапорщик), бывшие в распоряжении Городского Общественного Комитета, пред'явили бывшему сановнику ордер об его аресте. Вице-губернатор побледнел и поклонился.

— Я к вашим услугам. Разрешите попрощаться с семьей.

Ему разрешили и затем вывели черным ходом на Соборную площадь из казенной квартиры, которую Н. Астафьев занимал — в другую «казенную квартиру», городской арестный дом.

Начальника гарнизона генерал-майора В. Темникова и коменданта города полковника Горбанева арестовали в комендатуре, причем не обошлось без попытки с их стороны оттянуть арест. Пришлось пустить в ход угрозу.

4 марта дал себя добровольно арестовать пресловутый И. Э. Грегус (он же Марковский), известный рижский охранник.

---

[1]) Из харьковских исправников «присоединились» к революции раньше других змиевский, И. Ф. Сизов, со всей полицией и стражей, и харьковский помощник полициймейстера, И. И. Шостенко, оставался во главе харьковской полиции очень долго, заслужив особенное уважение со стороны Городского Общественного Комитета.

Кадет Е. Москов аттестовал его как «проявившего за долгие годы явно-сочувственное отношение к движению 1905 г.».

[2]) Еще 1-го марта представители рабочих требовали на заседании Общественного Комитета решительных мер по обеспечению переворота, в том числе ареста губернатора и полициймейстера. Предложение было отвергнуто. Е. Москов возражал представителям рабочих ссылкой на опыт революции 1905 г. (!). «Мы помним 1905 г.», говорил Москов, сваливая неудачу первой революции на крайних левых. Через 2 дня тот же Москов, как комиссар полиции, должен был распорядиться об аресте вице-губернатора и других.

Чувствуя за собой погоню, охранник позвонил по телефону комиссару полиции Е. Москову, прося его совета, что делать. Е. Москов предложил Грегусу явиться в Общественный Комитет, где и арестовал его [1]).

Арестованные Горбанев и Темников малодушно решили купить свободу ценой «признания» Временного Правительства и 4-го марта передали начальнику гарнизона следующее заявление: «Прошу Ваше Высокоблагородие доложить Харьковскому Исполнительному Городскому Комитету, что я (Горбанев) с раннего утра 3 марта всей душой и сердцем присоединяюсь к нынешнему нашему правительству и всеми силами буду стараться на пользу нам всем дорогой родины. Своевременно не мог 3 марта прибыть в Комитет, так как срочные распоряжения не давали на это никакой возможности, что могу показать в случае (если) потребуется. О том, что я уже собрался выехать тогда в Комитет, г. начальник гарнизона, генерал-майор Темников, сообщил по телефону господину председателю Комитета А. Н. Корытину».

В том же духе писал и «начальник гарнизона», генерал-майор Темников.

Трудно было себе представить большую «всенародность»!

Общее настроение новых хозяев выразил купец И. В. Семененко в своей речи 11 марта в ответ на выступление представителя Городского Общественного Комитета — Москова. Обращаясь к последнему, почтенный купец, И. В. Семененко, подчеркнул: «У старой власти мы были на задворках, новая же власть с нами».

Полукадетский (с уклоном в сторону социал-реформизма)[2]) «Южный Край» отозвался о новых министрах так:

О Милюкове: «символ новой Европейской России».

О Керенском: «тонкая до-нельзя нервная организация»...

---

[1]) Впоследствии все арестованные были выпущены на свободу, причем полковник Горбанев был выпущен по приказу командующего московским округом полковника Верховского, несмотря на противодействие Харьковского Совета.

8-го марта прибыл в Харьков бывший губернатор А. И. Келеповский и явился в Общественный Комитет. Он не был даже арестован.

[2]) Редактор «Южного Края», И. П. Дриженко, был народным социалистом.

Шульгина газета ласково трепала по головке: «Умница»...

В том же духе газета отзывалась о харьковских «революционных» властях: комиссарах [1]) и других.

Теперь обратимся к тому, что творилось среди солдат и рабочих.

К революции примкнули без колебаний все воинские части: 4-ый запасный артиллерийский дивизион, 1-ый и 2-й запасные саперные батальоны, железнодорожный батальон, команды выздоравливающих и дружины.

Руководство солдатскими организациями захватили в первое время офицеры и вольноопределяющиеся [2]).

На почве разногласий по вопросу об отношении к войне между офицерами и солдатами создалась глубокая пропасть [3]). Совет солдатских депутатов, существовавший сначала отдельно, слился с Советом рабочих депутатов [4]). Совет рабочих депутатов

---

[1]) Первые харьковские «комиссары»:

По делам армии — А. Поддубный (помощник В. А. Десятов), по делам почты и телеграфа — инженер Н. Винокуров, по делам телефона — инженер Черкесс, печати — М. Ф. Кузнецов (впоследствии С. М. Кузнецов, помощник — владелец типографии А. Жмудский), по тюремному ведомству — Л. Н. Переверзев (помощник — Бабков-Басов), по продовольствию — И. Г. Сергеев.

Затем были учреждены новые комиссариаты: по делам фабрик и заводов (комиссар — председатель общества фабрикантов и заводчиков — Трескин) и другие.

Комиссаром полиции был Е. Москов. (Этот комиссариат был упразднен с уходом Е. Москова).

[2]) На заседании Совета 17 марта один из солдат заявил, что надписи на солдатских знаменах к демонстрации 16 марта («война до победоносного конца») были сделаны офицерами,—солдаты же только несли знамена.

[3]) Об этом смотри дальше в очерке «Борьба партий и классов в первый период революции».

[4]) Совет крестьянских депутатов существовал некоторое время отдельно еще после октябрьской революции. Но совместные заседания исполнительных комитетов обоих Советов (крестьянского и рабоче-солдатского) происходили уже с июня 1917 года (первое совместное заседание состоялось 12-го июня). Существовал еще одно время Совет крестьянских депутатов — солдат, но он распался.

был образован уже 2-го марта. 28-го февраля на заводах происходили первые крупные митинги. Полиция не вмешивалась. На заводе Шиманского рабочие задержали околодочного и несколько полицейских. Задержанных вскоре великодушно отпустили. На заводе В.Э.К. (Всеобщей Компании Электричества) рабочие собрались 28 февраля в количестве 4000 человек и решили приступить к выборам в Совет рабочих депутатов [1]). 1 марта состоялось частное совещание небольшого числа работников в рабочей среде (главным образом меньшевиков [2]) и рабочих, образовавших «Рабочий Комитет». На учредительном собрании Харьковского Совета, состоявшемся 2-го марта в здании Городской Думы (площадь Тевелева, бывш. Николаевская), присутствовали 69 представителей от 38 заводов, фабрик и рабочих организаций. Председателем Совета был избран меньшевик Лазько, товарищем председателя большевик Романович.

Первый номер Харьковских «Известий Совета Рабочих Депутатов» вышел уже 4-го марта. 5-го марта в «Доме рабочих» состоялся грандиозный митинг, на котором рабочие приняли следующую резолюцию:

«Двухтысячное собрание в Харьковском Доме Общества Рабочих 5-го марта приветствует возрождение рабочей прессы в лице органа Центрального Комитета Российской Социал-демократической рабочей партии «Правды».

Исполнительный орган Совета (Исполком) был сконструирован 20-го марта. В него вошло 15 рабочих и 14 солдат.

Меньшевики и эсеры составляли в Исполкоме подавляющее большинство [3]).

---

[1]) Характерно, что на этом же митинге было выражено пожелание, чтобы была произведена анкета об экономическом положении рабочих. Революция должна была по здравой мысли рабочих принести им реальное улучшение положения.

[2]) Совещание происходило в помещении кооператива «Об'единение».

[3]) Вот состав п е р в о г о Харьковского Исполкома:

От рабочих: Гуревич (Бэр), Соколовский, Букреев, Поляков, Живов, Куликов, Лазько, Брук, Никитченко, Макаровский, Кин, Калашников, Иванов, Махров и Боярков.

От солдат: Стефанович, Нефедов, Червяков, Бабанин, Омельченко, Сухарилидзе, Житник, Введенский, Светлов, Биценко, Шоров, Назаров, Тома и Смосенко.

Чем был Исполком? Он не был властью, но он брал на себя поневоле функции органа власти, как, например, в деле с реквизицией типографии А. Жмудского (об этом ниже) и в других случаях, когда трудно было сказать, кто же вершит судьбами города и губернии—Общественный-ли Комитет или Совет?

Вначале это двоевластие казалось на обывательский взгляд «верхом совершенства», как бы политическим синтезом интересов всего населения, всего «народа»[1]), но это заблуждение тянулось недолго.

Социальные противоречия вскоре всплыли наружу с неслыханной силой. Стала просыпаться деревня. Временное Правительство не хотело и не могло приступить к правильному разрешению земельного вопроса.

14-го марта в Харькове происходило губернское совещание крестьянской кооперации. Большевику на этом совещании не дали сказать ни слова.

Но большевистские речи раздавались на этом совещании из уст крестьян, хотя они сами себя не считали большевиками.

Крестьянин села Большие-Бабки, Хотомлянской волости, Волчанского уезда, выразил настроение крестьян, говоря: «Старые власти раньше ездили на нас, а теперь Временное Правительство назначает их же комиссарами. У нас есть Колокольцев, так он не позволяет не то, что травинку скотине с'есть, и бабам подойти к ней—штрафует. Колокольцев нас не поддержит—«как волка ни корми, он все в лес смотрит». «В деревне нужна новая власть»[2]).

На местах происходили в первые же дни после переворота столкновения между массами и Комиссарами Временного Правительства. В Балаклее и Савинцах солдаты устроили форменные восстания, будучи возмущены поведением новых властей предержащих. В Савинцах же солдаты устранили самовольно от должности начальника гарнизона. В Святых Горах была даже попытка образовать «Святогорскую Республику».

---

[1]) «День праздника Революции» 16 марта должен был свидетельствовать о гармонии интересов «всего народа»...

[2]) Кооперативное совещание было кулацким. Характерно, что представитель Чупаховского кооператива просил поставить на голосование резолюцию о том, «чтобы не было диктатуры пролетариата»..

В Волчанске творились безобразия. Туда был командирован Городским Общественным Комитетом В. А. Десятов (кадет) и, по его отзыву, «Волчанский Уездный Общественный Комитет не удовлетворил никого, даже интеллигенцию».

Председатель Уездного Комитета был смещен.

Вопросы организации власти, об отношении к войне, внешней и внутренней политике, не были еще вовсе разрешены.

Предстояла борьба за углубление и расширение революции. И уже 6-го марта Харьковский Комитет большевиков[1]) выпустил листовку с призывом к гражданской войне.

Это был удар среди ясного неба для меньшевиков, всячески раздувавших слухи, будто питерские большевики за-одно с меньшевиками выразили доверие Временному Правительству.

В первом же номере «Социалдемократа»[2]) меньшевики писали:

«С особой радостью приходится отметить единение и согласие подавляющего большинства социал-демократии разных течений по главным партийным и политическим вопросам. Приходится особо отметить лишь листок, подписанный Харьковским Комитетом РСДРП. Этот листок содержит в себе призыв к гражданской войне, к борьбе теперь же с более молодым, чем павший царизм, врагом—русской буржуазией, олицетворяемой Милюковым и Родзянко, и капитализмом. Нельзя не отметить, что этот листок вызвал некоторе смущение как в рабочей, так и солдатской среде».

Большевистский листок с призывом к гражданской войне действовал, как взрывчатый снаряд.

Для всех, кроме революционной социал-демократии (большевиков), февральский переворот был венцом политических достижений. Для большевиков это было начало конца империализма и капитализма.

Узел социальных противоречий не был распутан февральским переворотом. Надо было итти дальше, к новым битвам и победам...

---

[1]) «Пролетарий», газета харьковских большевиков, стал выходить с 16 марта. Редакция и контора газеты помещались сначала по Клочковской 57, кв. 1 (в комнате у тов. Сурика (Емельянова), редактора газеты).

[2]) 11-го марта.

ГЛАВА ВТОРАЯ

БОРЬБА ПАРТИЙ И КЛАССОВ В ПЕРВЫЙ ПЕРИОД РЕВОЛЮЦИИ (ДО ИЮЛЬСКИХ ДНЕЙ)

«Постольку, поскольку»...—Большевики не имеют программы.—Об'единяться-ли с меньшевиками?—Признавать-ли Временное Правительство?—Война до победного конца, мир без аннексий и контрибуций и... «долой войну»!—Офицеры и солдаты.—Партия Погодина и Антония.—Кадеты.—Народные социалисты.—Эсеры.—Украинские эсеры.—Меньшевики.—Украинские социал-демократы.—Большевики.—Борьба за 8-мичасовой рабочий день.—Борьба за повышение заработной платы.

Бомба разорвалась. Призыв к гражданской войне был брошен в «исторической» листовке Харьковского Комитета большевиков, изданной 6-го марта. И эта линия «на гражданскую войну» была взята, конечно, не только в Харькове (вопреки провокационным слухам, пущенным в ход меньшевиками), а во всей России и прежде всего в Петербурге—этом подлинном мозге революционной России того времени. Гражданская война стала фактом. И в сущности большевикам приходилось лишь направлять стихию в каменное русло планомерной революционной борьбы. В гражданской войне вообще нет «виноватых», но уж если разбираться в поводах, влекущих за собой первичные конфликты в этом «открытом соразмерении социальных сил в борьбе за власть» (по выражению Троцкого), то, как писала «Правда» еще в первые дни революции, нетрудно было предвидеть, что... «неизбежно разойдутся дороги Временного Правительства и Совета рабочих и солдатских депутатов» и разойдутся навсегда—не в силу какого-нибудь «максимализма» (в вульгарном представлении) большевиков, а потому, что наступление капитала против революционной демократии (как тогда выражались) неизбежно. «Нападение идет со стороны Временного Правительства. Идет быстрым шагом». Остается, если хотите, поднять перчатку. Надо было уразуметь неизбежность и историческую целесообразность гражданской войны в тот момент и при той кон'юнктуре, а дальнейшее вытекало, как следствие из этого основного «признания» гражданской войны.

Меньшевики страшились пуще всего возможных трений между буржуазией и пролетариатом, а гражданскую войну относили прямо в разряд «контр-революции». Грехопадение меньшевиков скрывалось уже в пресловутой формуле «постольку-поскольку», знаменовавшей соглашение между буржуазией и

«революционной демократией». Тут сказывалось старое разногласие между большевизмом и меньшевизмом, всплывшее особенно наглядно накануне 1905 года и в дальнейших теоретических спорах заграничников. Меньшевики держали курс на «буржуазную революцию» в России, большевики—на европейскую социалистическую революцию.

Отсюда вытекали и все остальные разногласия. Меньшевики якшались, говоря грубо, с кадетами. Большевики подготовляли нерушимый революционный союз между рабочим классом и крестьянством. Это были две прямо противоположные ориентации, и сейчас можно только удивляться тому, сколько ненужных разговоров было поднято в свое время вокруг вопроса об «об'единении» большевиков и меньшевиков.

«Медовый месяц» февральской революции ознаменовался новыми попытками меньшевиков создать «единую социал-демократическую партию без различия фракций». В Харькове меньшевики не побрезгали пустить в ход следующий недостойный прием: раздобыв несколько большевиков, вступивших с ними в «переговоры», они вздумали ввести в обман пролетарское общественное мнение и представить ему эти «переговоры», как основу налаживающегося, якобы, единения «фракций» [1]). 15-го марта вопрос об об'единении «фракций» обсуждался на общем собрании меньшевиков (на собрание были допущены социал-демократы «всех направлений»). Точка зрения меньшевиков была представлена в докладе так называемого «Организационного комитета». Сущность доклада: «Слияние на основе программы партии». В прениях участвовали отдельные большевики, выступавшие за свой страх и риск и примыкавшие в общем к оффициальной точке зрения меньшевиков, а также «правые» меньшевики, осуждавшие линию своего комитета.

Большевики,—утверждали они,—перестали быть социал-демократами и стали анархо-синдикалистами. С большевиками нельзя заключать никаких соглашений.

---

[1]) За об'единение с меньшевиками на основе партийной программы были тов. Лугановский (Портигейс), будущий Народный Секретарь продовольствия, и его крохотная «группка», не пользовавшаяся абсолютно никаким влиянием в харьковской организации.

Правые меньшевики были, по своему, правы.

Большевики к тому времени действительно перестали быть социал-демократами, хотя еще некоторое время удерживали за собой старое название: они стали коммунистами. Меньшевистское «болото» («центр» социал-демократии) не понимало такой простой вещи, что раскол в социал-демократии прошел не по линии расхождений в вопросах «тактики», а гораздо глубже, по принципиальным программным основаниям.

У большевиков не было никакой программы. Программа-минимум сливалась с программой-максимум. Меньшевики полагали возможным об'единение «социал-демократии» на основе старой партийной программы. Они полагали, что «об'единение повелительно диктуется условиями момента и что старые разногласия отступают на задний план перед вопросами, выдвинутыми настоящим (то-есть, в марте 1917 года) историческим моментом»: что «линии разногласий теперь уже не совпадают со старыми фракционными делениями». Из этих соображений общее собрание меньшевиков поручило Организационному Комитету войти немедленно в переговоры о слиянии с Харьковским Комитетом большевиков [1]).

Как относилась к предполагаемому слиянию большевиков и меньшевиков буржуазия, в частности буржуазная пресса? В свое время департамент полиции отдавал, как известно, секретные распоряжения своим агентам раздувать всячески раздор между обеими фракциями и не допускать «ни за что» их слияния. Такова была «дальновидность» полицейских ищеек. После февральского переворота, когда меньшевики пошли на службу к буржуазии, вся пресса, бывшая на откупу у капитала, стала агитировать в пользу слияния обеих «фракций» социал-демократии в «единую партию», надеясь на то, что

---

[1]) На этом собрании меньшевиков выступал, между прочим, представитель украинских социал-демократов (УСДРП), отметивший в своей речи, что украинская социал-демократия не защищает лозунга федеративного союза Украины и России, а ограничивается требованием автономии для Украины. Это заявление (впрочем, не внесшее ничего нового в позицию УСДРП) должно было подогреть «неуступчивых» большевиков и возбудить вопрос о слиянии всех социал-демократов на Украине.

большевики при слиянии сдадут свои позиции в пользу меньшевизма. Раньше меньшевики были революционерами (плохими или хорошими, другое дело) и укрепление позиции меньшевиков (а к этому привел бы отказ большевиков от самостоятельности) было невыгодно царизму. Буржуазия же мирилась до поры до времени с такой покладистой партией, как меньшевики, и добивалась от большевиков добровольного «харакири».

Вначале, когда надежда на благоприятный исход переговоров между большевиками и меньшевиками еще не была потеряна, буржуазная пресса награждала приветливой улыбкой не только меньшевиков, но и большевиков. Положение резко изменилось с приездом в Россию Ленина. Вначале и это событие не внушало буржуазии особых опасений. В Харькове «Южный Край» поместил даже биографию «вождя большевистской фракции социал-демократической партии» и сладко размечтался о том, «не явится-ли одновременное возвращение Ленина и Плеханова знамением примирения обоих течений»... «Не увидим-ли мы, писала газета, в ближайшие месяцы слияния обеих фракций в единую российскую социал-демократическую и рабочую партию?»... Было ясно, что «приезд Ленина, конечно, возобновит споры», но так хотелось, чтобы приезд Ленина вызвал совсем другой эффект, чтобы была создана единая социал-демократия из элементов, стоящих на почве последовательного марксизма,—и буржуазная газета утешала себя надеждой на то, что приезд Ленина «может вызвать стремление ликвидировать старые споры» между меньшевизмом и большевизмом. Увы, эта сладкая мечта рассеялась по приезде Ленина буквально в течение 24-х часов: честный маклер «последовательного марксизма» принужден был кончить свою симфонию об единой социал-демократической рабочей партии неожиданным аккордом: «статья была уже заверстана в номере—значилось в конце статьи,—когда поздно ночью получилась телефонограмма с описанием первого выступления Ленина в Петрограде с его выпадами по адресу «прогнившей социал-демократии» [1]).

Да, это был форменный «скандал»! «Об'единение» не вытанцовалось, но Временный Организационный Комитет меньшевиков

---

[1]) «Южный Край», 5-IV-17 года.

решительно об'явил себя органом «единой социал-демократической партии» [1]).

Такие же «об'единенные» организации были созданы в немногих пунктах области: в Юзовке (впоследствии распалась, образовалась чисто меньшевистская организация), в Мариуполе и Бахмуте. Остальные организации, входившие в областное об'единение, были чисто меньшевистскими. Пресловутое об'единение «фракций» социал-демократии стало простой фикцией.

Меньшевикам-«интернационалистам», ратовавшим за «об'единение», ставилось со стороны большевиков условие: разрыв с оборонцами, с правыми элементами «РСДРП».

Очень ясно эта мысль в резолюции, принятой 24-го июля общегородской конференцией большевиков. Резолюция гласила: «Принимая во внимание, что единство пролетариата есть величайшее оружие в его борьбе за социалистическую революцию, но что в то же время к пролетарской партии примыкают и элементы, способные (лишь) мешать борьбе за социалистическую революцию, мы считаем, что в условиях данного момента особенно желательно сближение и об'единение РСДРП [2]) с группами и течениями, на деле стоящими на почве интернационализма и рвущими с политикой мелкобуржуазной измены социализму, с меньшевиками-оборонцами (мелко-буржуазными попутчиками пролетариата) и т. п. Об'единение с «центром», не

---

[1]) 26-го марта Временный Организационный Комитет принял следующую резолюцию: «Заслушав доклад о переговорах с харьковским большевистским комитетом, Харьковский Временный Организационный Комитет выражает сожаление по поводу неуспешности попыток и продолжает свою работу по созданию в Харькове единой организации РСДРП. В частности Временный Организационный Комитет считает необходимым обращение к широким массам с целью раз'яснить, что Харьковский Временный Организационный Комитет является органом организации, об'единяющий социал-демократов Харькова без различия фракций и течений». Переговоры с большевиками были сорваны и меньшевистский «Социал-демократ» констатировал с грустью, что «товарищи большевики, ведшие переговоры с комиссией Организационного Комитета, никем на ведение этих переговоров не были уполномочены, а будучи сторонниками об'единения действовали на свой страх и риск».

[2]) т. е., партии большевиков.

рвущим с оборончеством, мы признаем вредным и губительным для дела пролетариата» [1].

«Центр» предпочел разрыву с оборонцами разрыв добрососедских отношений с большевиками. «Об'единению» был положен конец.

С первого момента переворота обнаружились коренные разногласия между большевиками и меньшевиками (от оборонцев до интернационалистов—включительно).

Тов. Сурик (Емельянов).
Первый председатель Комитета партии большевиков Украины в 1920 г.

Я говорю «коренные», так как речь шла не о мелочах, а о расхождении по важнейшим вопросам момента. В первую голову сюда следует отнести два радикальнейших вопроса

---

[1]) Резолюция была средактирована и предложена Суриком (Емельяновым), первым председателем первого легального комитета большевиков в Харькове.

февральского переворота: 1) о конструкции новой власти и 2) об отношении к войне.

Большевики растерялись до известной степени только в самый первый момент восстания, но на самый короткий миг[1]). Уже в следующий момент большевики дали достойную оценку «революционному» детищу Временного Комитета черносотенной Государственной Думы и приняли позицию открытого недоверия к либеральной буржуазии и Временному Правительству. Большевики не переоценивали роли буржуазии в исторической задаче переустройства России после крушения царизма, и не забыли уроков революции 1905 года, уроков, к которым остались глухи меньшевики. Большевики отказались выразить какое бы то ни было доверие социальным группам, опозорившим себя в дни реакции союзом с черной сотней против революции. Меньшевики (и эс-эры) ратовали за поддержку Временного Правительства и его мероприятий — постольку, поскольку последние не расходятся с требованиями демократии.

Меньшевики считали вредной утопией лозунг революционного рабоче-крестьянского Правительства, лозунг, выдвинутый большевиками.

Меньшевики оказались опорой буржуазной контр-революции.

В первом же номере «Социал-демократа» был брошен призыв о поддержке Правительства кн. Львова. «Перед рабочими—социал-демократами встает важный и серьезный вопрос—писал «Социал-демократ»: как следует отнестись к новому правительству, какую позицию по отношению к нему занять? Может быть, надо с самого начала стать к нему в непримиримую оппозицию и вступить с ним в борьбу?». Вступить с ним в борьбу означало бы вступить на путь разрыва с либеральной буржуазией. «...Такое решение было бы слишком прямолинейно и вызывает большие сомнения...»

В апреле, накануне известного выступления против Милюкова и Гучкова, меньшевики остаются при старом лозунге «постольку, поскольку».

---

[1]) Мы можем сознаться, что до приезда Ленина в Россию и его доклада с знаменитыми тезисами о Советах, среди большевиков царила известная растерянность.

Поддерживать-ли Временное Правительство или взрывать его, взяв курс на Рабочее Революционное Правительство?

«Одни говорили, что Временное Правительство во всех своих действиях должно быть свободным от всякого влияния и воздействия со стороны Советов рабочих и солдатских депутатов. Другие доказывали, наоборот, что власть принадлежит только Совету, а Временное Правительство должно только поддерживать его[1]). Это перегибание палки в другую сторону. А мы стоим на средней позиции».

Так писали в «Социал-демократе»[2]) не какие-нибудь правые меньшевики, а Л. Намарский (И. Трахтенберг, впоследствии ушедший от меньшевиков, но не дошедший к большевикам), И. Бер (Гуревич), лидер «интернационалистского» крыла социал-демократии на Украине и другие. Люди пытались усесться меж двух стульев и им казалось одно время, что они удачно лавируют между (социальной) революцией и контр-революцией. Лидер харьковских меньшевиков, Сан (Девдериани), председатель Комитета, призывал «к единству» социал-демократии и буржуазной демократии, обрушиваясь попутно на большевиков, эти «горячие головы и неповинующиеся языки». «Кое-где—писал с сокрушением Сан—слышны крики: «Да здравствует социальная революция!». Это называется левее здравого смысла, это опасность слева. Мы предпочитаем стоять на почтительном расстоянии от такой левизны. Революция сейчас буржуазная и еще не пришло время, когда мы можем сказать буржуазным партиям: «Прощайте, нам больше не по пути». Пока же будем искать согласованности сил[3]).

Это была откровенная и прямая постановка вопроса. «Революция буржуазная», нам нужно искать «согласованности»

---

[1]) Большевики говорили не это, а другое: «Долой 10 министров-капиталистов!».

[2]) Редакционная статья «В нормальную колею» в номере от 5 апреля (старого стиля).

[3]) «Социал-демократ» от 7 апреля 1917 года, статья «К единству».

Харьковский Городской Комитет призывал рабочих в особом воззвании к оказанию поддержки Временному Правительству. «Поскольку Временное Правительство идет навстречу демократическим требованиям рабочих масс, рабочие должны оказать ему поддержку» говорилось в воззвании.

с буржуазией, а не с «горячими головами», большевиками, от которых лучше всего держаться «на почтительном расстоянии». Такова была позиция харьковских меньшевиков, в большинстве своем «интернационалистов». Об оборонцах и говорить не приходится.

Меньшевиков всех толков об'единяла борьба с большевизмом. После этого непонятно, почему собственно меньшевики делали долго вид, что они против коалиции с буржуазией [1]). Они были против формальной коалиции, будучи фактически в тесном союзе с буржуазией. Лучшие из меньшевиков чувствовали, что политика коалиции неизбежно приведет к краху «буржуазной революции» и откроет ворота большевизму.

Я нарочно подробно остановился на позиции меньшевиков, так как она характеризует отношение к Временному Правительству и прочих «социалистических» партий: эсеров, и других. Украинские партии занимали, правда, своеобразное положение (об этом речь впереди), но первоначально не было ни одной партии, кроме партии большевиков, которая открыто боролась бы против Временного Правительства [2]).

Отношение к Временному Правительству было первым основным пунктом расхождения между большевиками и другими

---

[1]) И. Бэр ставил вопрос: «Участие или контроль»?, т.-е., участвовать-ли во Временном Правительстве, и на этот вопрос отвечал... «мы полагаем, что и сейчас мы в министерстве, особенно в данном Временном Правительстве участвовать не можем». Н. И. Туляков, член Государственной Думы, будучи в Харькове, утверждал в разговоре со мной, что «в Петербурге» твердо решили участия в Правительстве не принимать, а когда пришла весть о создании коалиционного министерства, Н. И. Туляков растерявшись мог только сказать: «значит, были важные причины на то»...

[2]) Меньшевики искали «согласованности» с буржуазией. Последняя, со своей стороны, искала сближения с «демократией». 1-го марта «Южный Край» писал: «Громадной ошибкой было бы не посчитаться серьезно с запросами рабочего представительства в общей работе, диктуемой моментом». Но—поясняла газета:—не меньшей ошибкой и со стороны демократии было бы не приложить всех сил к осуществлению лозунга, указанного представителями демократии Н. С. Чхеидзе и А. Ф. Керенским, т.-е., ошибкой было бы отказать Временному Правительству в поддержке».

«Южный Край» поддерживал при выборах в Городскую Думу, в числе прочих, и меньшевиков, расхваливая кандидатов РСДРП, например, А. А. Поддубного, (военного комиссара).

«социалистами», в том числе и с «центром», т.-е., меньшевиками-«интернационалистами» и соответственными группами эсеров.

Другим пунктом расхождения был вопрос об отношении к войне.

Антагонизм в этом вопросе проявился и в Харькове с первых же дней февральского переворота.

3-го марта происходило заседание Харьковской Городской Думы. Толпа, наэлектризованная вестями из столицы, наводняла площадь перед Думой и зал заседаний. Члены Думы приветствовали совершившийся переворот. Минута вышла торжественная. Но речь черносотенца И. М. Бич-Лубенского бросила свет на природу «революционного» энтузиазма гласных.

«Я монархист—заявил громогласно И. М. Бич-Лубенский—и не откажусь от своих убеждений, если бы даже здесь были наполнены народом две большие площади, и если я все же соглашаюсь на конституцию, то только потому, что это выведет нас из тупика, а, если мы останемся под властью тевтонского кулака, то ничего хорошего не будет». Особенно рельефно сказалось разномыслие в этом отношении между офицерами и солдатами. Офицеры сорганизовались довольно энергично. В первые дни переворота они образовали при начальнике гарнизона особый «военный совет» [1]), а затем выделились в совет офицерских депутатов [2]). Последний пытался овладеть идейно и организационно солдатской массой, настаивая на слиянии офицерского и солдатского советов. По инициативе «гг. офицеров» состоялось 29 марта об'единенное заседание обоих Советов. Разномыслие выпирало наружу:

Офицеры — за войну, солдаты — против [3]).

Прения носили разгоряченный характер.

Офицеры указывали с злорадством на то, что рука Петербургского совета, протянутая к народам мира осталась висеть в воздухе, солдаты возражали ссылкой на уступки Вильгельма, сделанные из страха перед революцией в Германии.

---

[1]) Образовался 5-го марта.

[2]) Совет офицерских депутатов образовался 11-го марта.

[3]) Точнее: солдаты были за «мир без аннексий и контрибуций».

Солдат Тушилов указывал на противоречие между позицией Временного Правительства[1]) и лозунгом офицеров «до победного конца».

Нашлись, конечно, и среди солдат[2]) защитники офицерской точки зрения, но подавляющая масса солдат склонялась явно к лозунгу «мир без аннексий и контрибуций на основе самоопределения народов». Офицерам не удалась затея с «об'единением» Советов. Солдаты отказались дать ответ на предложение офицеров без предварительного обсуждения вопроса в Совете солдатских депутатов. Об'единенное заседание 29-го марта окончилось ничем. На заседании совета солдатских депутатов, состоявшемся после этого, предложение офицеров провалилось с треском, а было принято следующее предложение:

«Исполнительные Комитеты Советов офицерских депутатов и солдатских депутатов в составе 15 солдат и 5 офицеров собираются совместно для координирования действий Советов по вопросам военного быта и для проведения в жизнь аналогичных постановлений Советов по вопросам военного быта».

Гора об'единения родила... мышь «контакта», да и этот «контакт» на деле вылился в открытую классовую вражду и, когда собрание офицеров, врачей и чиновников приняло 21-го июля какую-то контр-революционную резолюцию, солдаты потребовали разгона Совета офицерских депутатов.

Точно так же солдатская секция Совета отнеслась к образованному при офицерском содействии и влиянии совету солдатских депутатов-крестьян, во главе которого стоял штабс-капитан Ладнов, впоследствии, в октябрьские дни, пытавшийся поднять против рабочих чугуевских юнкеров.

Естественной смертью умер клуб военных республиканцев (тоже детище офицеров и вольноопределяющихся), возникший 5-го апреля. С помощью этого клуба офицеры хотели захватить идейное господство над солдатами. Вышло даже 2 номера

---

1) Это было до знаменитой ноты Милюкова от 18 апреля.

2) Эти единичные представители солдат отражали, конечно, не вполне подлинное настроение солдатской массы. В низах процесс отмежевания солдат от классовых врагов офицеров шел значительно глубже.

«Война-Республиканца» [1]), органа клуба. Журнал был, конечно, ярко-оборонческим и трактовал о взаимоотношениях между солдатами и офицерами под углом зрения сохранения дисциплины в армии. «Солдаты и офицеры составляют одну семью»,—таков характерный заголовок одной статьи, в которой автор подчеркивает республиканизм офицеров.

Действительно, офицеры признали, после долгих споров, целесообразной формой правления «Демократическую Республику», но что разумелось ими под «Демократической Республикой» видно из следующей резолюции, принятой советом офицерских депутатов в раз'яснение его позиции по вопросу о войне:

— Совет офицерских депутатов высказывается за «народовластие», но считает, что препятствиями к осуществлению народовластия в данный момент являются:

1) германский милитаризм, «увлекающий за собой большую часть населения Германии»;

2) «темные силы», еще не придушенные и ждущие удобного момента для перехода в наступление против революции;

3) «обострение классовой борьбы», т.-е., борьба большевиков против Временного Правительства;

4) недостаточность политического опыта массы. Поэтому Совет офицерских депутатов считает необходимым:

a) признание Временного Правительства, облеченным всей полнотой власти вплоть до Учредительного Собрания;

b) войну до победы с Германией;

c) «доведение производительности труда и капитала до крайних возможных пределов»;

d) агитацию против классовой борьбы [2]).

Такова была политическая физиономия офицерства [3]).

---

[1]) 1-й номер носил название «Известий Республиканцев-Военных Народной армии».

[2]) Резолюция приведена здесь не дословно.

[3]) Физиономия студенчества была такова же. Достаточно перелистать «Студенческий Вестник», выходивший в то время. Один автор уверял, что «студенчество собирается воевать, пока последний мощный германский оплот самодержавия не рухнет», а другой автор (студент-технолог К. Ершов) в статье «Долой войну» уверял, что «раньше этот лозунг исходил от Николая Романова и его прихвостней, а ныне проповедуется на страницах Петроградской «Правды» и Московского «Социал-Демократа».

На этой позиции (с небольшими поправочками только) стояло оборонческое крыло социал-демократии (меньшевиков) и эсеров. Южно-русская конференция эсеров (происходила 2—5 апреля) полагала, что «в настоящий момент, поскольку современная война может включать в себе элементы посягательства на добытую революцией свободу... партия социалистов-революционеров вынуждена не препятствовать напряжению всех сил страны для защиты в интересах международной демократии завоеваний революции от посягательств извне».

Между меньшевиками и эсерами нашлось больше точек соприкосновения, чем между большевиками и теми же меньшевиками и эсерами. Водораздел проходил, как мы видели, по линии отношения к Временному Правительству[1]), с одной стороны, а затем по вопросу о войне, с другой стороны. Оборонцы составляли самую яркую и, по своему, цельную группу среди обеих командных партий «демократии». На противоположном полюсе стояла партия открытой борьбы с Временным Правительством, партия борьбы за мир—РСДРП. (большевиков).

Какую позицию занимали центровые группы: «интернационалисты» типа Мартова и Чернова?

«Не нужно искать преждевременного расхождения» (с Временным Правительством)—утверждал Сан.

«Такова наша внутренняя политика»,—писал далее в «Социал-демократе» лидер харьковских меньшевиков,—«но,—замечал

---

1) Упомянутая южно-русская конференция эсеров стояла, подобно меньшевикам, на позиции условной поддержки Временного Правительства. Принятая конференцией по этому вопросу резолюция гласила: «В задачи партии социалистов-революционеров входит расширение и углубление в революционный момент тех социальных перемен, с которыми должно быть связано низвержение самодержавия», а потому,—утверждали эсеры в подражание французской конституции якобинцев (1793 года),—«в случае отказа Временного Правительства от выполнения требований демократии, революционный народ должен свергнуть Временное Правительство и на его развалинах создать Временное Революционное Правительство».

Если вспомнить, что эсеры высказались за войну, обещав «не препятствовать направлению всех сил страны» для борьбы с Германией, то несерьезный характер угроз по адресу Временного Правительства со стороны конференции становится очевидным. Социал-оборончество не могло не быть по своей природе социал-соглашательством.

он,— вопросы, связанные с внешним фронтом, осложняют и затрудняют ее» (т.-е. политику).

Как видно из этого признанья, меньшевики-интернационалисты сами замечали противоречие между позицией поддержки Правительства войны и непризнанием империалистской войны, сами видели и предвидели трудность и сложность согласованности «между буржуазией и демократией».

Оборонцы были честны по своему, когда ставили точку над и выравнивали свою «внутреннюю политику» по «внешней». Гораздо меньшей честностью отличались «интернационалисты». Внутренняя политика их была отмечена печатью дряблости и самого пошлого приспособленчества, а внешняя—таким неожиданным «максимализмом», как знаменитый призыв Петербургского Совета к народам всего мира [1]).

В статье «Две тактики» [2]) Аронов [3]) шел еще дальше и чуть не договорился до большевистских лозунгов. По крайней мере так можно понять противопоставление лозунгу буржуазии и социал-оборонцев лозунга, который, по словам Аронова, выставил «рабочий класс России»: Если хочешь мира, то и готовься к миру». Буржуазия — справедливо утверждал Аронов — обнаружила полное неумение ликвидировать войну, которую она вызвала. Война может быть ликвидирована только широкими народными массами, взявшими власть в свои руки.

Таковы были отдельные вспышки большевизма. Но это были именно только вспышки. В целом позиция «интернационалистов» глубоко расходилась с позицией большевиков. Помимо резолюций, меньшевики ничего не делали для мира, для борьбы со своими империалистами; даже более: они об'ективно (сознательно или несознательно, вопрос другой) помогали империалистам, прикрывали их лоскутками

---

[1]) Ленин, (если память мне не изменяет, то именно он) где-то выразился, что призыв Петроградского совета был, собственно, продиктован большевистским отношением к войне: меньшевики на миг поддались внушению «анархо»-большевиков.

[2]) «Социал-демократ» от 28 марта 1917 года.

[3]) А. Г. Левин, член Областного Комитета Бунда.

своей «социалистической» фразеологии, не разрывали с оборонцами, составляя с ними одну партию пр. и пр.[1]).

Недаром, поэтому, кто-то удачно назвал меньшевистский лозунг «мир без аннексий и контрибуций» поповским лозунгом, в котором, собственно, не было и грана подлинной революционности.

Иначе и не могло быть, раз у меньшевиков были две мерки: одна для «внутренней политики» («согласованность» действий с буржуазией), другая для «внешней политики» («мир без аннексий и контрибуций»). Или война должна была с'есть революцию или, наоборот, революция должна была с'есть войну. Последовательны были исключительно оборонцы, с одной стороны, большевики, с другой.

Суть была не в провозглашении лозунга[2]), а в мерах осуществления его в борьбе за его реализацию. Петербургские рабочие и солдаты проявили свою волю к миру известной апрельской демонстрацией, вызвавшей уход Милюкова и Гучкова из Временного Правительства.

Отношение к апрельским событиям вызвало горячие дебаты в Харьковском Совете.

Против Временного Правительства выступили эсеры, зани-

---

[1]) Вначале, когда меньшевики надеялись еще «об'единиться» они считали своим долгом покровительственно защищать большевиков от нападок буржуазии. «Руки прочь!» грозно восклицал И. Бэр (Социал-демократ» от 16 марта), обращаясь к буржуазии и «обрушиваясь» на нее за травлю «известных течений в рядах пролетариата и социал-демократии». И. Бэр великодушно поучал, что стыдно пользоваться «отдельными нетактичными выступлениями, речами или статьями» (большевиков). А когда большевизм несколько укрепился, «внутренняя политика» меньшевиков взяла окончательно верх над «внешней» и «Социал-демократ» (№ 72 от 11-го июня), отмечая с грустью значительный успех максимализма «во всех его видах», уже прямо обличал большевизм во всех смертных грехах. «Бунт еще господствует и давит и душит революцию» брюзжал орган социал-демократии.

[2]) 17 марта Харьковский Совет присоединился к воззванию Петербургского Совета к народам мира. Резолюция была принята единогласно (при 3 воздержавшихся). Замечу кстати, что на том же заседании Совета солдат Нефедов (социалист-революционер) «предложил приветствовать свободную Польшу». Совет принял предложение.

мавшие самую крайнюю позицию в своей партии: Алгасов[1]), Живов.

Меньшевики (Штерн) возражали указанием на «буржуазный характер» революции, и т. п. Совет принял резолюцию в которой начал с того, что поставил «на очередь» вопрос о дальнейшем пребывании Милюкова в составе «Временного Правительства», а закончил требованием, чтобы «Временное Правительство немедленно опубликовало все международные договоры, заключенные от имени Российского самодержавного правительства с другими державами».

Это было «благое пожелание». Его необходимо было подкрепить реальной силой. И только большевики знали спасительный рецепт революции: они обращались к массам и организовывали массы для генерального штурма.

Все остальные партии, реакционные, помещичьи, буржуазные и мелкобуржуазные, составляли по существу единый контр-революционный противобольшевистский блок. Нужно было вырвать массу рабочих из политического плена социал-соглашательских идей, из болота оппортунизма, перебросить мост в густые массы крестьянства через голову эсеровщины, а на Украине еще одолеть национал-«социалистов», все это составило историческую задачу большевизма в рассматриваемый период революции.

Какие партии проявляли жизнедеятельность в этот период революции? Если под партией разуметь классовую политическую группу, то лучше всего будет ответить на этот вопрос, рассмотрев списки кандидатов гласных в Городскую Думу, выборы в которую происходили в июле. Представлено было 13 списков.

Какие социальные группы представляли боровшиеся между собой списки?

Партия помещичья, монархическая, реакционная

Своего списка не имела, поддерживала кадетов (список № 1), самостоятельно выступила позже при выборах в Учредительное Собрание. Имела свой печатный орган «Русскую жизнь» (позже «Жизнь России»), группировалась вокруг

[1]) Теперь коммунист. В качестве левого эсера входил после октябрьского переворота в Совнарком РСФСР.

профессора А. Погодина (редактора названной газеты) и поповской камарильи («Русская Жизнь» субсидировалась церковно-приходскими общинами [1]).

Партии буржуазные

Группы правее к.-д. не показывались на поверхности. Надо думать, что они поддерживали партию «народной неволи». Последняя, как известно, представляет собой партию крупной и средней буржуазии (и буржуазной интеллигенции).

Состав партии характерный: «профессора, адвокаты, офицеры и воинские чины (военные врачи и чиновники?), служащие на железных дорогах, врачи, рабочие, учащиеся в высших учебных заведениях — «таков был состав этой партии, по словам «Южного Края», но это «показание» нуждается в небольшой поправке: в партию к.-д. входили не только профессора, адвокаты и врачи (т.-е., цвет буржуазной интеллигенции), но и подлинные буржуа: горнопромышленники, фабриканты, владельцы особняков и просто домовладельцы и прочие [2].

Кадеты шли под флагом «единой и неделимой» России, как партия русского империализма.

Отдельно группировались украинские буржуа (список № 7) [3]. Еврейские националисты-буржуа (сионисты, главным образом) выставили своих кандидатов также отдельно (список № 12) и вели свою агитацию, главным образом, против

---

[1]) Во главе поповской черной сотни стоял в Харькове небезызвестный архиепископ Антоний. Даже многотерпеливый Городской Общественный Комитет видел себя вынужденным предложить «его преосвященству» выехать из города в 2 дня (предложение было сделано 14-го апреля). Антоний ушел «на покой». Духовенство вынесло протест против действий Общественного Комитета. Антоний был гонителем украинского языка. Губернский украинский Съезд (далеко не революционный) настаивал на удалении этого ревнителя царской церкви, как проявившего себя «врагом украинского народа».

[2]) Бюро партии Народной Свободы открыло свои действия в Харькове замечательно рано. Уже 1-го марта в Бюро велась запись в члены партии. 11-го марта был сконструирован комитет в следующем составе (по алфавиту): А. Н. Анцыферов, П. Р. Богуславский, М. М. Водяницкий, А. В. Десятов, Н. Н. Ковалевский, А. В. Маклецов, А. И. Фенин и другие.

[3]) В первые дни революции в Харькове сорганизовался «Украинский комитет». Против него вели некоторую борьбу украинские с.-д. Об этом ниже.

большевиков и бунда[1]). Польская группа «общественных деятелей» (никому неведомых, между прочим) имела свой особый список (№ 13).

Отдельно надо упомянуть об обывательских списках, отражавших, по существу, политическую дряблость отдельных мещанских и буржуазных групп. Сюда относятся списки: №№ 6, 9 и 11.

Список № 6. Квартиронаниматели. Организатором «квартиронанимателей» явился некий поручик Гутовский. Пройдя в думу, он занял место рядом с эсерами.

Список № 9. Почтово-телеграфные чиновники. Пройдя в думу, представитель этой группы чувствовал себя не в своей тарелке и скоро перестал даже посещать заседания думы.

Список № 11. «Ортодоксальные евреи». Реакционнейшая часть еврейства; провела одного представителя, последний на заседаниях думы не бывал.

Партии мелкобуржуазные

Список № 10. Народные социалисты. Шли в ногу с кадетами, более нежели с эсерами. Партия городских и земских служащих, радикальных адвокатов, средних служащих в банках, вообще нечиновной интеллигенции, не чуждой социалистической фразеологии (и только!).

Эсеры

В одном списке (№ 5) шли вместе три партии: 1) эсеров (без различия течений) 2) украинских эсеров и 3) серповцев («об'единенная еврейская социалистическая партия», составившаяся из двух еврейских партий: сионистов-социалистов и еврейских-социалистов).

Этот список имел головокружительный успех[2]).

---

[1]) В апреле сионисты устроили грандиозный митинг в Муссури, самом большом театре в Харькове. На этом митинге выступил от большевиков Буздалин, рабочий, (был после товарищем председателя харьковского комитета партии). Его речь, пропитанная желчью к изысканной публике, занимавшей места за столом президиума, вызвала страшное возбуждение.

[2]) Всего приняло участия в выборах 80.975 избирателей. За список № 5 было подано 37.371 голос. Из 116 мест в Думе эсеры получили—54, кадеты—16, меньшевики (блок)—14, большевики—11, народные социалисты—8, остальные списки получили от 4 до 1 места (украинские с.-д. получили 2 места).

Победа эсеров оказалась пирровой: «успех» погубил партию, лишенную твердых принципов. Партия растворилась в мещанстве [1]).

О позиции эсеров по вопросу об отношении к Временному Правительству (южно-русская конференция приняла резолюцию в основу которой легли тезисы доклада Алгасова) и к войне— мы уже говорили [2]).

---

[1]) В партию эсеров записывались, как известно, «из моды». Туда входили генералы, офицеры, солдаты, не окончившие образования гимназисты и гимназистки, кооператоры, домовладельцы, часть отсталых рабочих («эсеровский» завод был Гельферих-Саде), связанных с деревней больше, чем с городом, представители умственного труда и прочие и прочие. Любопытно, что в этот период расцвета эсеровщины в «партию № 5» записывались гуртом целые деревни.

Характерная иллюстрация: Председатель У-ского сельского комитета писал: 7-го августа, даже еще 6-го, я получил строгий приказ от волостного комитета: немедленно выслать жителей в волость для организации партии социалистов-революционеров. Зная хорошо отношение большевиков к войне, как борются они против грабительской войны, против смертной казни, которую Временное Правительство воскресило ради своего и помещичьего блага, против милиции—полиции, они не пошли в волость записываться в партию эсеров, так как узнали, что все эти ужасы ведутся буржуазией с благословения социалистов-революционеров. Не дождавшись (жителей) 6-го, 7-го, из волости идут прямо в нашу У-ку мимо лавки, где я и член нашего комитета следили за правильностью раздачи сахара населению. Проехав немного дальше, они остановились и начали настоятельно требовать от мужиков: вы своего председателя к чорту выбросьте. Им ответили: У нас председатель очень хороший. Тогда они, ораторы эти, спросили мужиков: где ваша сельская Управа?— и поехали туда, куда и я пришел; спросивши их удостоверение и прочитавши его, я потом обратился к сходу, желает-ли он выслушать ораторов. Ответили: Выслушаем! Они, главное, подчеркивали, чтобы не слушали большевиков, так как они за рабочих только и это не русская партия, на что им ответили: Нет, это русская партия, она борется за всех угнетенных, за то ее правительство и паны не любят, а любят тех, кто помогает им. Так ораторы, хорошенько поругавшись с мужиками, и уехали. На предложение купить у них брошюры, сход спросил меня: а что, такие это книжки, какие вы нам читали («Кому нужна война» А. Коллонтай)? Я ответил: Нет, не берите их, а берите «Пролетарий»: то наши будут книжки («Пролетарий» № 124, от 11/IX).

Конечно, не во всякой деревне эсеровские агитаторы встречали такой дружный отпор.

[2]) На южно-русской конференции эсеров присутствовало 75 делегатов от 11 губерний и областей. Председателем конференции был избран Коган-Берштейн (правый), товарищами председателя Голубовский и Алгасов (левые).

«Гвоздь» эсеровской программы — «социализация земли» — привлек на сторону этой партии значительную часть гарнизона и крестьянства.

С этой партией мы еще столкнемся не раз.

Украинские эсеры тоже прошли впоследствии через испытание огнем революции: часть из них ушла безраздельно в национально-буржуазную контр-революцию, а другая часть пришла извилистым путем — к коммунизму [1]). Разложение не миновало впоследствии и «об'единенной еврейской социалистической партии», лучшие элементы которой влились в так называемый «Фарбанд», а затем в К.П.(б.)У.

Меньшевики

«Социал-демократический блок» (список № 2) включал в себе 3 группы: «РСДРП», Бунд и «Единение» (партия польского мещанства) [2]).

Меньшевики (в том числе и Бунд) об'единяли вокруг себя демократическую интеллигенцию и две группы рабочих: с одной стороны, самых отсталых, а с другой, обюрократизированных, оторвавшихся от масс («верхушки») [3]).

Докладчиком по вопросу о войне выступил Голубовский. Впоследствии Голубовский ушел в партию левых социалистов-революционеров (интернационалистов); после июльского выступления левых эсеров, ушел к активистам, весною 1920 года он выступил (совместно с Карелиным) в качестве защитника своеобразного «признания» Советской власти, порвав с группой Черепанова и К°; в тюрьме заразился сыпным тифом и умер.

Карелин, редактировавший сначала патриотическую земскую газетку «Народное Дело», впоследствии стал одним из лидеров левоэсеровщины.

Качинский, один из харьковских лидеров эсеров, стал впоследствии борьбистом, а когда борьбисты влились в К.П.(б.)У.—коммунистом.

[1]) О разложении мелкобуржуазных партий надо бы поговорить особо. К этому вопросу мы еще вернемся.

[2]) Из национальных партийных групп латыши входили в партию большевиков, P.P.S. (левица) имела точки соприкосновения с большевиками, в июне или июле окрепла харьковская группа С.-Д. Польши и Литвы, слабую группу представляли литовцы—большевики.

[3]) Чтобы покончить с мелкобуржуазными партиями, надо еще упомянуть о «Еврейской Соц.-Демократической Рабочей Партии (Поалей-Цион), которая шла на выборах в Городскую Думу под самостоятельным флагом

Отдельно надо остановиться на партии украинских эс-деков. На выборах в Городскую Думу эта партия получила 2 места и «провела» в Думу двух своих кандидатов: Лободу Н. М. и Тимошенко С. П. Вокруг партии группировалась часть украинской демократической интеллигенции.

Харьковская организация партии вышла из подполья и приступила к работе уже в первые дни после переворота. В середине марта происходит общее собрание членов партии. В комитет избираются: Петренко, Яковенко и другие (всего 5 человек).

Когда в Харькове возник «Украинский организационный комитет», украинские социал-демократы отказались войти в этот комитет, хотя и не отказали ему в поддержке.

Считая справедливо «Украинский комитет» буржуазной организацией, украинские социал-демократы, в противоположность «просто-украинцам», так излагали свою позицию:

«Мы, украинские социал-демократы, разделяем программу международной социал-демократии и добиваемся как политического, так и социального и национального освобождения украинского народа. В то же время мы ясно видим, что революция явилась следствием солидарных усилий рабочих всех национальностей и что наша сила заключается в этой солидарности,—а потому мы отказываемся вступить в организационную связь с «просто-украинцами», но будем поддерживать все их демократические лозунги» [1]).

Украинские социал-демократы оказались непоследовательны и, когда в Харькове образовалась «просвита» (украинская культурно-просветительная организация), служившая оплотом для «просто-украинцев», они не только вступили в «организационную связь» с «просвитой», но прямо вошли в нее, правда, с той целью, как они утверждали, чтобы овладеть ею изнутри. Это послужило толчком к сближению между собой всех украинских партий.

(список № 8). Эта партия, как все мелкобуржуазные партии, впоследствии разложилась. (В Городской Думе представитель «Поалей-Цион», этой «самой умной еврейской партии» (по меткому ядовитому замечанию Рафеса), вел себя прекомично, голосуя как попало и выступая с длинными бесцветными «декларациями».

[1]) Перевод с украинского (Курсив мой.)

Украинские социал-демократы добивались сначала только автономии, но впоследствии они расширили свои требования.

Украинские социал-демократы боролись против войны, но по другим мотивам, чем большевики. Большевики об'явили войну империалистской войне, как последовательные интернационалисты, обязанные бороться со своими капиталистами в собственной стране. Украинские социал-демократы были против войны, так как были против Временного Правительства, которое третировало Украину не хуже царского самодержавия [1]).

Губернская Рада была составлена из национальных элементов, раздираемых внутренними противоречиями.

Партия рабочего класса.—Большевики

В рассматриваемый период большевики простирали свое влияние по преимуществу на рабочую среду, хотя большевизмом были «заражены» и воинские части и известные слои крестьянства [2]). Харьковский Комитет партии

---

[1]) Другой вопрос, насколько украинские социал-демократы и эсеры последовательно боролись с Временным Правительством. В другом месте я покажу, что украинские социал-демократы и эсеры не чужды были заигрывания с Временным Правительством, и даже оказывали ему поддержку против большевиков. Этот политический парадокс имеет, однако, свое обоснование в противоречивости мелкобуржуазной природы украинского национализма.

[2]) Крестьянство было еще мало дифференцировано и говорить о крестьянских партиях в тот период не приходится. Как бесформенная стихия, крестьянство было сначала увлечено «социализацией земли» (этим всеобщим «черным переделом», легшим в основу эсеровской дележки), но соглашательская политика эсеров и поддержка ими грабительской войны оттолкнули от этой партии широкие слои крестьянства и, в первую очередь, крестьянство, одетое в серые шинели (солдат).

Влияние большевизма на крестьянство шло первое время, главным образом, через солдатскую среду («солдатский большевизм», как презрительно говорили соглашатели). Борьба за организационное овладение аппаратом власти в деревне началась значительно позже. Гражданская война в деревне в развернутой форме относится уже к по-октябрьскому периоду. Особую тему составляет вопрос о борьбе с махновщиной и петлюровщиной, этими самыми любопытными формами власти кулака в украинском селе. Читатель найдет ответ на этот вопрос в третьей книге настоящей работы. Здесь уместно будет заметить, что в некоторых районах Украины (особенно в Полтавщине) украинские эсеры пользовались еще до большевиков известным влиянием в беднейших батрацких группах крестьянства.

проявил себя уже в первый момент переворота, как мы видели, известной листовкой (выпущенной 6-го марта).

Связи не только с областью, но и с губернией были очень слабы, что обусловливалось общим распадом старых отношений.

На Украине можно насчитать 4 важнейших политических центра: Харьков, Киев, Одессу, Екатеринослав, и в каждом из указанных центров революция углублялась своим особым путем, (например, по национальному вопросу были даже «харьковская» и «киевская» точки зрения). Но эти разногласия (второстепенные конечно) сказались после. С Екатеринославом и Луганском, Харьков еще имел, правда, кой-какую связь. На правобережной Украине борьба шла между большевиками и Центральной Радой, и эта борьба отражала до известной степени картину подавляющего преобладания на Правобережье крестьянской стихии и стремления рабочих масс в этом крае подчинить эту стихию своему влиянию.

На Левобережной Украине задача была поставлена *исторически* иначе: индустриальный район Украины стремился, выделиться из правобережной стихии, *не смешаться с ней*, а окрепнуть в союзе с *Советской Россией*.

Об'единение революционных сил шло по линии организации «всероссийской кочегарки», т.-е. Донецкого бассейна. Левобережье имело, таким образом, особую политическую миссию, и этим можно об'яснить расхождение между группами «харьковцев» и «киевлян» в известный период революции [1]).

Были-ли попытки связать отдельные организации партии на Украине во-едино?

Но прежде всего было бы глубокой ошибкой думать,—если только кто-нибудь так думает,—что на Украине были *отдельные организации*, а *не партия*. В рядах большевиков наблюдалась картина как раз обратная: в ней царил дух редкой

---

[1]) Я не хочу сказать, что не было ошибок (в политическом смысле) с той и с другой стороны. В другом очерке я постараюсь показать, что *грубой ошибкой было образование Донецкой Республики* (с ЦИК Донбассом) *после того*, как борьба между Радой и Советской Украиной (ЦИК'УКОЙ) вступила в фазу вооруженного столкновения. На Левобережье продолжали действовать традиции «харьковской точки зрения», между тем, как новая политическая ситуация требовала внесения в нее существенных изменений.

сплоченности, можно сказать, монолитности, как и во все последующие периоды [1]),—в отличие от мелко-буржуазных партий, расслоившихся и распадавшихся на составные элементы.

Центр партии, мозг партии был — Красный Питер с его героическим пролетариатом и героической организацией. Красный Питер руководил революцией, как признанный вождь России. Но через какой аппарат передавалось влияние питерского пролетариата на места? Как раз здесь мы подходим к одному из интереснейших вопросов, связанных с всеобщей децентрализацией в тот период (и позже). Я имею в виду, так называемую, «власть на местах». Это состояние, характерное для начальных периодов всякой революции, касалось не только административной стороны аппарата новой власти,—оно должно было отразиться также в области партийного строительства, как позже в советской организационной работе.

Достаточно сказать, что (как видно из протоколов харьковского комитета партии) вопрос о первой губернской Конференции партии был поднят только 20-го декабря 1917 года, т.-е., 2 месяца после октябрьской революции [2]).

Первая партийная конференция Донецко-Криворожского бассейна собралась, правда, значительно раньше: в конце июля. конференция собралась в Екатеринославе. От харьковской организации были посланы Муранов (бывший член Государственной Думы, был короткое время в Харькове), Буздалин и Артем [3]) На Конференции присутствовало 29 делегатов (с 13 мест) [4]), представлявших 17.000 членов партии.

Областной центр решено было образовать в Харькове. «Пролетарий», орган Харьковского Комитета [5]), становился областным органом под названием «Донецкого Пролетария».

---

[1]) Не исключая эпохи заключения брестского мира.

[2]) Для созыва Конференции была выбрана «тройка», куда входили Сербиченко, Буздалин и автор этих строк.

[3]) Последний был делегирован также в Киев, где происходила партийная Конференция Юго-Западной области.

[4]) 5 делегатов с совещательным голосом.

[5]) 1-й номер «Пролетария» вышел 10 марта 1917 года.

Об условиях, в каких приходилось выпускать эту газету, я буду еще иметь случай говорить.

В первый областной комитет партии вошли: Артем, Ватин, (В. Быстрянский), Копылов, Каменский, Квиринг, Острогорский и Залмаев.

Комитет выделил бюро из трех лиц: Артема (секретаря), Копылова и Ватина.

тов. Артем.

Огромный завод Всеобщей Компании Электричества был оплотом большевизма с самого начала революции [1]). То же нужно сказать о влиятельном и огромном профессиональном союзе «Металлист», во главе которого были б о л ь ш е в и к и: Боярков (А. Гольцман), Романович, Плахотников, Люль и другие. На заводах наше влияние росло с каждым днем [2]). Фабрично-заводские

[1]) Там вели работу Пастер, Киркиш, Поко и другие.

[2]) На паровозостроительном заводе работали Сапельник, Романович и другие; на заводе Шиманского — Иванов Алексей, на Русско-Французском заводе—Буздалин, среди железнодорожников—Скороход, Сербиченко и другие, среди трамвайщиков—Ефименко и Кабаненко, среди наборщиков—Голенищев

комитеты очутились в руках большевиков задолго до октябрьской революции.

Борьба партий отражала классовую борьбу, принявшую необычайно острый характер. «Медовый месяц» «бескровной» революции промелькнул, как сон.

Рабочие завода Всеобщей Компании Электричества встретили революцию с ликованием и, собирали анкеты по вопросу о положении рабочих, надеясь добиться реальных завоеваний в экономической области. Действительность обманула ожидания рабочих и в этом им пришлось скоро убедиться, когда буржуазия, как в качестве министров Временного Правительства, так и в качестве владельцев фабрик и заводов, повела политику саботажа. Введение 8-ми часового рабочего дня было первым испытанием для обеих сторон. На этой почве происходили большие столкновения. Солдатам внушалась мысль, что рабочие «не хотят работать», что, в то время, как крестьянин работает, не разгибая спины, с раннего утра до поздней ночи, рабочий «лодырничает», а от этого страшная дороговизна и прочее и прочее.

И, когда Совет Рабочих и Солдатских Депутатов поставил на обсуждение вопрос о введении в Харькове 8-ми часового рабочего дня [1]), в речах некоторых солдат послышались неприязненные нотки. — Ждите Учредительного Собрания! — советовал рабочим солдат Лебедев.

На это ему И. Светлов (меньшевик) удачно возразил:

«Если мы придем в Учредительное Собрание с пустыми руками, то с пустыми руками и уйдем» [2]).

среди портных—Тиняков, Прейс и другие, среди деревообделочников—Моргунов и т. д. Из перечисленных товарищей погибли в борьбе с контрреволюцией Сапельник и Тиняков, трагически покончил с собой Скороход. К этому мартирологу надо добавить имя Г. Данилевского, энергичного харьковского партийного работника, погибшего на фронте. Окруженный со всех сторон врагами, он выпустил в них одну пулю за другой, оставив себе только последнюю, чтобы не сдаться живым. Данилевский был комиссаром крупной воинской единицы.

[1]) 20-го марта.

[2]) В первое время меньшевики почти понимали ту простую мысль, что Учредительное Собрание важно не само по себе, а как орудие закрепления революционных завоеваний. По крайней мере, в «Социал-

За резолюцию о 8-ми часовом рабочем дне голосовало 121 рабочих и 96 солдат, против — 18 солдат (1 рабочий воздержался).

Промышленники протестовали против сокращения рабочего дня.

Другой маневр контр-революции был не более хитер: промышленники распространяли слухи о якобы колоссальных заработках рабочих и таким образом пытались сеять рознь между рабочими и широкими массами демократии, изнемогавшей от роста дороговизны.

В письме, напечатанном в «Южном Крае», промышленники (в лице своего Обсофаза, т.-е., областного Союза фабрикантов и заводчиков) клялись, что больше они не в состоянии пойти ни на какие уступки. Промышленники патетически восклицали: «Отдавши рабочим все, что имели, предприятия в дальнейшем повышении цен и в вопросе об источниках оплаты предоставляют решающее слово Правительству».

Не удовлетворяясь локаутной политикой, промышленники клеветали на рабочих. В упомянутом письме, помещенном в «Южном Крае», промышленники уверяли, что «на одном из крупнейших заводов [1]) средний заработок всех рабочих, считая в том числе и неквалифицированных, равняется 3150 рублей в год без сверхурочных работ, а заработок квалифицированных в отдельных случаях достигает 42 руб. за 8-ми часовой рабочий день».

демократе», № 3, от 14 марта, мы читаем: «Рабочий класс об'единяется и организуется не только для Учредительного Собрания, но и для борьбы за свои классовые требования, для борьбы за развитие революции и достижение поставленных перед пролетариатом задач». Что касается буржуазии, то она, как известно, не только не торопилась созывать Учредительное Собрание, но всячески оттягивала его созыв. О несвоевременности созыва Учредительного Собрания открыто говорили в Харьковском Общественном Комитете. В крайнем случае буржуазия готова была созвать Учредительное Собрание где-нибудь подальше от Красного Питера. Характерно, что совещание горнопромышленников Юга России, происходившее в апреле, полагало возможным созыв Учредительного Собрания в Москве, и об этом своем мнении сообщило Временному Правительству и генералу Брусилову.

[1]) Речь шла о Паровозостроительном заводе.

42 рубля в день! Летом 1917 года! Надо сознаться, что клевета была ловко пущена в ход.

Правда, однако, всплыла наружу. Правление Союза «Металлист» поместило опровержение и просило автора письма заводчиков «сообщить Союзу «Металлист», на каком именно заводе существует такой высокий заработок». Союз «Металлист» уверенно заявлял:

«По имеющимся у нас точным сведениям, собранным со всех фабрик и заводов, такого баснословного заработка ни в одном из харьковских предприятий металлообрабатывающей промышленности не имеется. Нужно полагать—язвительно добавлял Союз «Металлист»—что гг. заводчики указывают на завод с 42-х-рублевым заработком в день, который еще не существует в Харькове».

Тов. М. Сапельник, прекрасно знакомый с положением на Паровозостроительном заводе, как служащий этого завода, поместил в «Пролетарии» убийственную для промышленников фактическую справку о заработках рабочих на указанном заводе.

Промышленники указывали на средний заработок 3150 р. в год, что составляет около 11 рублей дневного заработка. В действительности, заработок рабочих на Паровозостроительном заводе был таков:

За январь	Руб. 3.71	(в день)
» февраль	» 4.10	»
» март	» 4.05	»
» апрель	» 6.86	»
» май	» 6.50	»
» июнь	» 6.26	»

Экономические конфликты сопутствовали политическим конфликтам, или, правильнее сказать, последние вытекали из первых. Это — общее явление. Революция обострила классовые противоречия и углубила экономические конфликты. Могла-ли соглашательская политика задержать естественный рост недовольства рабочего класса своим положением? [1]).

---

[1]) Чтобы покончить с вопросом о положении рабочих в рассматриваемый период революции, сошлюсь на показание одного донецкого шахтера. «Часто приходится слышать,—писал товарищ в «Пролетарий»—что в настоящий момент рабочие хорошо зарабатывают и хорошо им живется.

По существу, такова именно была задача соглашательства — сгладить острые углы в отношениях между предпринимателями и рабочими.

Социал-соглашатели этого отчасти добились. Но если им не удалось окончательно потушить рабочего недовольства, то виною этому были не они и даже не столько большевики,— большевики, конечно, вливали стихию недовольства в каменное русло планомерности и организованности,—а скорее узко-классовая воинственность предпринимателей, перешедших скоро от обороны к наступлению.

Одни говорят, что рабочие зарабатывают 15 руб. в день, другие—20, а то и 25 рублей. Но заглянул-ли кто-нибудь из этих крикунов на то, что есть на самом деле. Интересно, что бы они стали кричать, если бы заглянули как живется нашему брату, а особенно в нашем производстве, в шахтах Донецкого бассейна. Я, рабочий Александровского угольного рудника при ст. Никитовке, слесарь первой категории, получал до марта 1917 года по 3 р. в день, с 1-го марта—3 р. 50 к. В настоящее время расценочная комиссия приступила к работе—назначила жалованье: 1-ой категории—5 руб. 50 коп., 2-ой—4 руб. 75 к., 3-ей—4 руб., 4-ой—3 руб. 25 к., а в общем максимум 5 руб. 50 коп., минимум 2 руб. 50 к. Содержание на руднике одно и то же, что и в городе: рабочие сапоги—70 руб. и их трудно достать, рабочая тужурка и брюки—25 руб. и 30 руб., мука для хлеба получается темная, цена разная, в зависимости от того, как ее закупают, покупка этого необходимейшего продукта производится из-под полы у спекулянтов.

«... Где же роскошь, господа крикуны?.. попробуйте, поработайте в шахтах на наших работах, подышите воздухом, струя которого, обойдя все №№, увлекла за собой гремучий газ и все углероды—и тогда мы вас послушаем. Посмотреть на наши работы недостаточно, так как, например, за пылью не только забойщика не видно, но не видать лампочки, при которой он работает; отработав «упряжку», забойщик дверей не откроет сам. Если приходится ему по случаю праздников не работать несколько дней, то все эти дни откашливается черной пылью. Не лучше условия труда и других категорий: бурильщиков, крепильщиков, коногонов, насыпщиков и других.— Ленинцы! Ленинцы!—кричат нам каждый день за то, что нами проводится на руднике контроль. А вот смотрите сами, почему мы ленинцы: администрация сокращает производство угля, ссылаясь на то, что того нет, то другого. Нам пришлось проверить. И что же? С трудом (нам все время мешали другие фабриканты),—но мы нашли и чугун, и лес и т. п.—и производство угля теперь увеличилось. Справьтесь у нашей администрации».

В этом безхитростном рассказе шахтера отражается, как солнце в капле воды, та борьба, которая велась сначала глухо, а затем открыто между предпринимателями и рабочими.

До-июльский период уже был чреват такими многообещающими этапами, как кризис 19—21 апреля и уход кадетов и кн. Львова из правительства [1]).

Июльский кризис приближался гигантскими шагами.

В следующем очерке мы подробно остановимся на *предиюльском* положении на заводах и соотношении сил к этому переходному моменту.

---

[1]) Про кадетов кто-то удачно выразился, что они одинаково саботировали *входя в Правительство и выходя из него.*

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

ТРЕВОЖНЫЕ ДНИ

(3—5 июля)

Волнения на заводах.—Движение чернорабочих.—Промышленники прибегают к скрытому локауту.—Горнорабочие и горнопромышленники.—Демонстрация 18-го июня.—Крах коалиционной политики.—Переломные дни.—Позиция большевиков после июльского разгрома.—Харьковский Совет о событиях.—Революционный «Штаб».—История одной большевистской газеты.

Революция оголила, если можно так выразиться, классовые взаимоотношения, сняв с глаз рабочих пелену покорности.

Стихия прорвалась наружу. На заводах и фабриках, в мастерских и казармах, масса зашевелилась, двинула, заговорила, стала требовательной, «дерзкой» (с точки зрения иерархического «порядка» благоустроенного буржуазного общества). Буржуазия сначала только нервничала и апеллировала к авторитету Временного Правительства, ища поддержки у социал-соглашателей, но чем острее и многочисленнее становились конфликты на заводах, тем планомернее и решительнее контр-революция готовилась нанести удар рабочему классу.

Борьба разыгрывалась не на шутку. В воздухе пахло порохом гражданской войны, и эту опасность чувствовала прекрасно партия «народной свободы»,—самая умная партия буржуазии.

Меньшевики лезли из кожи вон, силясь наложить заплаты на треснувший Тришкин кафтан капитализма. И с первого же месяца переворота примирительная камера и согласительная комиссия сменяют друг друга.

В Харькове роль «честного маклера» взял на себя Городской Общественный Комитет еще в марте, образовав согласительную комиссию для решения спорных экономических вопросов из 7 лиц: в комиссию входили 3 представителя «от рабочих», 3—от фабрикантов и заводчиков и 1—от Общественного Комитета. Еще позже Общественный Комитет выделил «комиссариат по делам фабрик и заводов», передав его представителю промышленников.

Тушить социальные конфликты такими средствами значило тушить огонь керосином, и буржуазия скоро обнаружила свою неспособность понять действительное положение вещей.

Волна стачечного движения чернорабочих на крупнейших харьковских заводах опрокинула карточный домик соглашатель-

ских иллюзий. Класс открыто становился против класса. Чернорабочие пред'явили промышленникам скромное требование: минимум 5 руб. мужчине, 3 руб. 50 коп. работнице. Промышленники отказали. Согласительные комиссии заработали полным ходом, но результата никакого.

Угрозы забастовкой (и частичные забастовки на отдельных заводах) не напугали промышленников, подготовлявших локаут.

Фабрично-заводские комитеты понимали, что забастовка в сложившихся в тот момент условиях, играла бы на руку капиталистам. Какой был другой выход?

Но чернорабочие сделали с самого начала, несомненно, ошибку тем, что организовали отдельный, независимый от союза «Металлист», профессиональный союз [1]) и сами же ослабили таким образом свою позицию. Тем не менее, чернорабочим быстро пришли на помощь организованные рабочие Харькова. Конференция фабрично-заводских комитетов нашла требование чернорабочих справедливыми. Желая избежать преждевременного обострения отношений с капиталистами, конференция уполномочила 3 своих представителей сделать попытку «убедить» капиталистов в справедливости требований чернорабочих. Напрасно! Через 2 дня снова созывается конференция фабрично-заводских комитетов совместно с Центральным Бюро профессиональных союзов, союзом чернорабочих и союзом «Металлист». Рабочие решают обратиться в Совет рабочих и солдатских депутатов с требованием, чтобы он своей властью обязал фабрикантов и заводчиков удовлетворить требование чернорабочих. Исполнительный комитет соглашается с мнением рабочих и требует от предпринимателей удовлетворения интересов рабочих. Промышленники вновь отвечают отказом.

8-го июля представители фабрикантов и заводчиков в примирительной камере подали следующее заявление:

1) Заработок чернорабочих увеличивается до 4 рублей в день. Означенная прибавка относится к чернорабочим-мужчинам старше 18 лет, работающим до настоящего времени не менее 2-х месяцев. Прибавка не касается категорий сторожей, кучеров, дворников, садовников и прочей заводской прислуги.

---

[1]) На это указывал неоднократно Я. Бояров (Гольцман), бывший председатель союза «Металлист».

2) Вновь принимаемые чернорабочие могут быть оплачиваемы и ниже означенной нормы.

3) Заработок женщинам и подросткам остается прежний.

Таков был ответ капиталистов! 5 недель рабочие искали мирные пути к улажению конфликта. «Пролетарий» был прав, когда писал, что «ответ этот произвел крайне возбуждающее впечатление на заводах». «Можно смело сказать, что заводчики, как медлительностью и затягиванием конфликта, так и ответом провоцировали рабочих на уличное выступление».

Терпение рабочих готово было лопнуть. 5 недель упорной борьбы с капиталистами привели к такому убогому результату [1]).

---

[1]) Первоначальное требование чернорабочих было даже выше: 6 руб. мужчине, 4 руб. женщине. Фабрично-заводские комитеты и Исполнительный Комитет понизили это требование до 5 р. мужчине и 3 р. 50 к. женщине. Когда вспыхнули частичные забастовки на заводах, правительственная комиссия по обследованию Донецкого бассейна, бывшая в Харькове во главе с комиссаром министерства труда И. О. Сипайло, приложила все усилия к тому, чтобы убедить рабочих стать на работу. 23-го июня рабочие завода Всеобщей Компании Электричества решили приступить к работе, «признавая своим государственным долгом всемерное противодействие прекращению работ на заводах», рабочие поручили вместе с тем И. О. Сипайло «настаивать перед заводчиками на удовлетворение требований чернорабочих». Рабочие соглашались даже на то, чтобы вопрос об уплате за забастовочные дни был решен в Примирительной Камере. Даже Исполнительное Бюро Губернского Общественного Комитета поддержало требование чернорабочих. 23-го июля заводчики обсудили все эти заявления и пришли к выводу, что, в виду того, что «не обнаружилось заметного возрастания цен на предметы первой необходимости, считать требование рабочих «несбоснованным» и «остаться для Харькова при существующей плате».

Угроза локаутом чувствовалась уже в следующем заявлении промышленников: «Поднятие цен на заработную плату и затем на изделия повлечет за собой общее вздорожание и дальнейшее падение курса рубля, а посему промышленники, заботясь о нормальном курсе рубля, предпочтут скорее закрыть свои предприятия, тем более, что последние вообще находятся в критическом положении вследствие упадка производительности, денежного истощения и убыточности производства». Рабочие отказывались верить тому, что предприятия приносят убыток и справедливо указывали на то, что предприниматели не соглашаются на удовлетворение требований рабочих по политическим причинам.

Фабрично-заводские комитеты обращались к Совету с требованием «обязать харьковских заводчиков удовлетворить требование тт. чернорабочих до выяснения результатов обследования доходности предприятий, так как доходность предприятий не подлежит никакому сомнению».

Перед рабочими стоял во всей остроте вопрос о дальнейшей борьбе с капиталистами. Но прежде всего нужно было изыскать меры для немедленного удовлетворения скромных требований чернорабочих. Предприниматели отказались от мирного улажения конфликта. Рабочие решают заговорить другим языком. Не чувствуя за собой поддержки ни со стороны соглашательского Совета, ни со стороны Правительственной Комиссии, подталкиваемая стихийным движением чернорабочих,—конференция фабрично-заводских комитетов принимает резолюцию, которую впоследствии многие коммунисты признали неудачной и необдуманной...

а) Конференция обещает удовлетворить справедливые требования чернорабочих своей революционной властью;

б) если фабриканты и заводчики откажутся удовлетворить требования чернорабочих в течение 5 дней, то директора удаляются и заменяются выборными инженерами, деньги же на ведение дел испрашиваются от Центрального Исполнительного Комитета Советов;

в) производство на Юге России должно перейти в руки государства, для чего немедленно созвать южно-русскую конференцию заводских комитетов;

г) послать 2 представителей в Петроград и вызвать члена Центрального Исполнительного Комитета в Харьков.

Эта резолюция свидетельствовала о том, что рабочие близки к той грани, когда благоразумие уступает место отчаянию. 28-го июня Совет рабочих и солдатских депутатов обсуждал на экстренном заседании создавшееся положение и признал, что «необходимо изменить... решение совещания заводских комитетов и поступить немедленно по инструкции правительственной комиссии» что «в вызове представителей Петроградского Совета не встречается необходимости, ибо, помимо членов правительственной комиссии, в Харькове находятся члены Центрального Исполнительного Комитета Советов». Совет надеялся на то, что «намеченные правительственной комиссией по требованию рабочей фракции подкомиссии на местах, на заводах, фабриках и рудниках, явятся теми контрольными органами, которые обследуют предприятия и дадут материал для выяснения возможности удовлетворений рабочего класса». В заключение Совет отделывался

назиданием что «необходимо создать авторитетную примирительную камеру и через нее оказывать организованное воздействие на предпринимателей» [1]).

Представители рабочих в примирительной камере предложили капиталистам заключить коллективный договор с профессиональным союзом «Металлист». На это директор завода Гельферих-Саде [2]) ответил, что заключение коллективного договора возможно «только в Англии, но не в России».

Словом, со стороны промышленников было открытое желание разжечь конфликт, разозлить рабочих, заставить их решиться на какую-нибудь крайность. Промышленники, повидимому, стремились вызвать преждевременное выступление рабочих на улицу, вызвать (как мы бы сейчас сказали) июльские дни.

Положение в Харькове отражало общую картину в Донецком бассейне и в России. Такая же борьба, как между харьковскими рабочими (и особенно чернорабочими) и Областным союзом фабрикантов и заводчиков, происходила между горнорабочими и горнопромышленниками всего Юга. Комиссия Сипайло, присланная из Петербурга, должна была уладить, главным образом, конфликт между горнорабочими и Союзом горнопромышленников, так как обостренная борьба между рабочими и капиталистами не могла не отразиться на добыче угля и состоянии металлургической промышленности бассейна, а, главное, грозила самим устоям буржуазного «порядка».

Приезд Сипайло в Харьков (в июне) потянул за собою серию бесконечных нудных «согласительных» разговоров и

---

[1]) Даже меньшевистский Совет не мог не констатировать, что «неудовлетворение требований товарищей чернорабочих является одним из многих случаев возмутительного отказа промышленников считаться с интересами рабочих во всей области».

Меньшевик Аронов признавал в «Известиях Юга» (органе Харьковского Совета, № 117), что «фактически господа промышленники ведут политику скрытых локаутов и очень часто сокращают производство и рассчитывают рабочих без достаточных для этого оснований», что «фактически господа промышленники ведут политику измора рабочих масс и стремятся вызвать с их стороны эксцессы, которые дали бы им повод и основание к еще более решительным шагам в области борьбы с рабочими».

[2]) Гр. Беклѐ.

переговоров, которые так-таки ни к чему не привели вплоть до октябрьской революции [1]).

Для примирения враждующих сторон была двинута в ход тяжелая артиллерия в лице членов Государственной Думы В. Лашкевича, А. А. Добровольского и Н. И. Тулякова [2]), меньшевика. Последние участвовали на конференции горнорабочих и горнопромышленников, происходившей в конце марта. 12 апреля в Екатеринославе состоялась конференция директоров металлургических заводов и представителей рабочих Донбасса [3]). Но особенно остро стал вопрос после южно-русской конференции Советов рабочих и солдатских депутатов, открывшейся в Харькове 27 апреля [4]). На конференции принимали участие члены Государственной Думы Н. И. Туляков и Сайко (член 2-ой Государственной Думы). Как раз в это же время в Харькове происходила конференция промышленников Юга России (закрылась 6-го мая [5]). Рабочие обратились к конференции промышленников с изложением своих скромных требований. Промышленники ответили отказом. В ответ на это конференция Советов «Юга России» решила аппелировать к петербургским властям, промышленникам же было послано письмо, в котором рабочие заявляли, что отказ промышленников находят «необоснованным», а потому рабочий класс получает «полную свободу действий».

---

[1]) Уже после октябрьского переворота в Донбассе продолжала свою «работу» согласительная комиссия под руководством «товарища министра торговли и промышленности» несуществовавшего уже Правительства Керенского—Орлова. Орлов открыто устанавливал связь с Калединым. Меньшевики, входившие в комиссию в качестве представителей «от рабочих», не отказывались сидеть рядом с Орловым и его К° (состоявшей из 12 человек). Из рабочих представителей С. Лапин покинул комиссию.

[2]) Погиб в 1918 году в Донбассе от руки бандитов.

[3]) Харьковские горнопромышленники действовали в тесном союзе с екатеринославскими, согласуя свои решения и действия.

[4]) Об'единение Советов Донбасса происходило раньше. 15, 16 и 17 марта в Бахмуте состоялась конференция Советов Донбасса. Присутствовало 138 делегатов, представлявших 187,000 рабочих.

[5]) Конференция представляла каменно-угольную, антрацитовую, металлургическую, железо-и марганцево-рудную, соляную и общую фабрично-заводскую промышленность.

и, «хотя конференция употребит все усилия для предупреждения в государственных интересах всяких осложнений, но возможные последствия отказа всецело относятся к вине горнопромышленников».

Угрозы не действовали. Промышленники первые переходили в наступление, и «Новая Жизнь» сообщала пикантную, по тому времени, новость, что «среди горнопромышленников Донецкого бассейна возникло движение в направлении отказа выдачи содержания рабочим членам Совета».

Могли-ли промышленники доказать, что падение добычи угля относится всецело за счет революции?

Тогда этого нельзя было сказать, так как язык цифр красноречиво свидетельствовал о том, что падение добычи угля началось до февральской революции... Даже буржуазное «Русское Слово», соглашаясь с тем, что «донецкая разруха выражается в упадке производительности», давало к нижеприводимой таблице характерное об'яснение:

	Добыча в (мил. пуд.)	Число рабочих занятых в производстве
1916 г. январь	150	208.000
1917 г. январь	154	291.000
» февраль	143	292.000
» март	150	284.000
» апрель	121	286.000
» май	127	276.000
» июнь	127	—

«Добыча за истекшее полугодие (1917 года) по сравнению с первым полугодием 1916 года упала немного. В прошлом году (1916 год) она была равна 845 мил. пуд., а в нынешнем (1917 году) 823 мил. пуд. Расстроенный транспорт не дал возможности вывезти из района всего этого количества топлива. От каждого месяца оставались большие остатки. Например: к 1-му июля остаток антрацита выразился в огромной цифре—62 мил. пудов. Но заметьте, что начало падения добычи относится ко времени до-февральского переворота. В марте было даже увеличение сравнительно с февралем. А уменьшение в апреле и мае обычное. Оно всегда бывало. В апреле 1916 года добыча упала даже до 95 мил.

пудов. Падение началось за 2—3 месяца до революции и связывать его всецело с «революционной безнаказанностью», пожалуй, нельзя. Нет-ли тут каких-нибудь других причин?».

Я нарочно привожу свидетельство буржуазного экономиста, так как его уже никто не обвинит в прикрашивании отрицательных явлений революции. В рассматриваемый период революции еще были относительно сильны капиталистические связи, а соглашательские иллюзии еще не были изжиты до конца, и падение добычи угля указывало лишь на неспособность буржуазии приноровиться к новым условиям производства, вызванным пробуждением самодеятельности рабочего класса.

Непосредственным толчком к июльскому выступлению питерских рабочих послужило, как известно, пресловутое наступление, начатое по приказу Керенского 18-го июня—как раз в тот день, когда революционная демократия демонстрировала братскую солидарность с трудящимися всего мира. Поражение, последовавшее быстро за наступлением, показало, как всякое поражение буржуазного правительства, его несостоятельность. Массы стали быстро изживать соглашательские иллюзии. Демонстрация 18-го июня, ярче всех прежних демонстраций, показала, как выросло влияние большевиков в рабочей среде. Так было в Петербурге, такая же картина наблюдалась и в Харькове, где знамена с большевистскими лозунгами победно веяли в этот день, затмевая «нейтральные» лозунги соглашательского Исполкома [1]).

На большевистских знаменах «нейтральных» не было:

«Вся власть Советам!».

«Долой министров капиталистов!».

«Мира, хлеба, свободы!» и прочие.

---

[1]) Исполком дал следующие лозунги:

«Да здравствует Учредительное Собрание!».

«Да здравствует Демократическая Республика!».

«Да здравствуют Советы Рабочих, Солдатских и Крестьянских депутатов!».

«Да здравствует мир без аннексий и контрибуций!».

«Да здравствуют революционные завоевания народа!».

На ипподроме [1]) большевики одержали полную победу. У соглашателей почва ускользала из-под ног.

Неудача июльского выступления рабочих придала бодрости обнаглевшей буржуазии, потянулись самые тяжелые для революции дни, рабоче-крестьянская революция должна была перейти от наступления к обороне; в Петербурге, Киеве и других местах большевики на время ушли почти совсем в подполье. Начались аресты, обыски, погромы, провокация стала плесть свою тонкую паутину.

Казалось, победа склоняется окончательно на сторону реакции [2]).

Какова была позиция большевиков в эти дни в Харькове? Поддержать чем возможно выступление питерских рабочих и солдат. Разоблачить гнусную роль клеветников, Алексинских и К⁰. Раз'яснить смысл развернувшихся событий.

Харьковский Комитет большевиков обращался к рабочим с словом гневного протеста против политики «10 буржуа и 5 меньшевиков», составлявших Коалиционное Правительство Керенского. Коалиция не оправдала надежд, которые возлагались на нее отсталыми рабочими и крестьянами. Она обанкротилась. Дала-ли она народу мир? «Война продолжается и даже ведется наступление, тогда, когда грабительские цели войны остаются прежними; хозяйственная и продовольственная разруха еще более усиливается и ускоряется капиталистами-локаутчиками; контр-революция от слов перешла к делу, открыто ведя погромную агитацию и организуясь при благосклонном попустительстве власти. Нет хлеба, нет мира. Свободе угрожает опасность». Вот следствия контр-революционной политики Правительства Керенского. Удивительно-ли, что «пролетариат и солдаты революционного

---

[1]) Место за городом, где происходили митинги.

[2]) На ночном партийном собрании ответственных работников, созванном Харьковским Комитетом сейчас же по получении известий о «беспорядках» в Питере, царило до известной степени подавленное настроение. Лугановский чут-ли не пел отходную революции. Артем отделывался незначительными фразами. Бодрые нотки звучали (и это характерно) в речах р я д о в ы х р а б о ч и х, у которых накипело чувство страстного озлобления против соглашателей и буржуазии и которым хотелось открыто померяться силами. Июльские дни были для них известным испытанием, генеральной репетицией.

Петрограда вышли снова на улицу для того, чтобы своим вмешательством спасти революцию, для того, чтобы указать должное место буржуазии, не в меру зарвавшейся, и плетущимся у ней в хвосте меньшевикам и народникам?».

Иначе не могло быть. «Большинство петроградских рабочих и солдат пришли к тому выводу, к которому они рано или поздно должны были прийти, к которому их должна была привести жизнь, и они его сделали».

Что заставило петербургских рабочих и солдат выйти вооруженными на улицу? «Сознание, что кончить империалистическую войну, положить предел хозяйственной разрухе и прочее может только сам народ в лице Советов».

Позиция меньшевиков и эсеров (а, значит, и Совета рабочих и солдатских депутатов) была выжидательной, бесцветной.

Я говорю «выжидательной», но этого не нужно понимать в том смысле, что меньшевики и эсеры готовы были изменить свою позицию, занятую ими с первых же дней революции и заключавшуюся, коротко говоря, в сотрудничестве с буржуазией. Меньшевики и эсеры оставались верны самим себе, когда осуждали «дезорганизующие» выступления «зараженных большевизмом» рабочих. Но в Харькове приходилось считаться с тем фактом, что большевики держали крепко в своих руках такой завод, как Всеобщей Компании Электричества и такие воинские части, как 30-й полк [1]).

---

[1]) Из воинских частей, расквартированных в Харькове, ярко-большевистским был 30-ый пехотный запасный полк, переведенный незадолго до июльских дней из Тулы.

Во главе революционных солдат полка стояли: Руднев (впоследствии убитый под Царицыном в бою с красновцами, талантливый полководец, соратник Ворошилова и Рухимовича), Петриковский (впоследствии отличился, как соратник Дыбенко в крымских боях с Деникиным; носил кличку Петренко), Глаголев и другие.

В тревожные дни Руднев завладел ключами от оружейного цейхгауза полка, полк отдал себя целиком в распоряжение Харьковского Комитета большевиков. Когда Тульский Совет рабочих и солдатских депутатов прислал Красное знамя 30-му полку, последний был растроган приветом от тульских рабочих и поклялся закрепить союз рабочих и революционных солдат борьбой за власть Советов. Солдаты избрали командиром полка Руднева.

При Харьковском Комитете большевиков была организована военная организация (в августе). В первый Комитет военной организации вошли: Рухимович, Глаголев, Руднев, Спура, Левченко, Коваленко и Брунько.

Меньшевики и эсеры чувствовали моральную силу большевизма, не поколебленную грубой провокацией и клеветой.

Пойти на окончательный разрыв с большевиками значило потерять остатки кредита у рабочих и революционных солдат [1]). На это меньшевики и эсеры не решились.

Большевики же не могли не считаться с тем, что меньшевики и эсеры еще имели за собой отсталую часть масс [2]). На почве такой взаимной сговорчивости и создалась, с формальной стороны, коалиция между большевиками и мелкобуржуазными партиями [3]). Коалиция эта, если позволено будет так выразиться, была, как всякая коалиция, не прочной и

---

[1]) Центр фабрично-заводских комитетов был прочно завоеван большевиками. 27-го июля в помещении клуба «Рабочий» происходило широкое собрание рабочих представителей, обсуждавших «текущий момент». Присутствовали представители от паровозных и вагонных мастерских, депо пассажирского, депо и передачи сортировочной, мастерской службы телеграфа, депо оборотного, весовой мастерской, складов материальной службы, мастерской службы движения, телеграфа станции Харьков, Харьков-товарной, по охране грузов харьковского узла, заводов: Мельгозе, Всеобщей Компании Электричества, Гельферих-Саде, Шиманского, Товарищества Шмидт, отделения Всеобщей Компании Электричества и Алексеева.

Собрание требовало немедленного удаления с занимаемых мест приспешников старой власти, которые вредят ходу революции и перехода власти в руки Советов, требовало, чтобы Государственная Дума и Государственный Совет были немедленно распущены, чтобы была введена всеобщая трудовая повинность, требовало ограничения прибылей капиталистов (до 10%). Одно время в Харькове Совет оставался без всяких средств. Меньшевики изыскивали всякие поборы с рабочих для поддержания жизнедеятельности Совета.

Рабочее совещание признало Совет государственным органом и отказалось от меньшевистской системы поборов.—Пусть платят капиталисты, пусть сами роют себе могилу собственными руками—таково было требование рабочих.

Кин (большевик) собирал одно время налог с кинематографов на поддержание Совета.

[2]) Такой завод, как Паровозостроительный, еще долго был «меньшевистским».

[3]) Я подчеркиваю здесь, что «коалиция» была заключена между партиями. Это существенно для понимания революционного процесса, ибо коалиция между классами не всегда и не целиком совпадает с коалицией между партиями. Вся трудность революции в России заключалась в необходимости отыскания такой формы сотрудничества революционных

неполной. Большевики и эсеро-меньшевики гнули попрежнему свои особые линии.

События развертывались своим чередом. Но вплоть до октябрьских дней (и даже позже) политическая ситуация в Харькове почти не изменилась (киевляне иронически называли такое положение «Харьковской идиллией»).

3—5 июля в Питере разыгрывались исторические события, а 6-го июля Харьковские Исполнительные комитеты (рабочих солдатских и крестьянских депутатов) постановили образовать Революционный Центр (или штаб), как высший исполнительный орган демократии в губернии. В Штаб вошли: 3 представителя от Областного Комитета Советов [1]), 3 представителя от рабочих депутатов [2]), 3 представителя от солдат [3]), 3 представителя от крестьян [4]) и по 1-му представителю от 8 социалистических партий: 1) эсеров, 2) меньшевиков, 3) большевиков, 4) Бунда, 5) украинских эсеров, 6) украинских социал-демократов, 7) Серпа и 8) Польского Об'единения.

В тот же вечер, 6-го июля, состоялось об'единенное заседание партийных комитетов меньшевиков, большевиков, Бунда и об'единенных [5]). Заседание носило информационный характер. Принять какую-нибудь резолюцию на таком собрании было немыслимо.

16-го июля тот же вопрос (неизменный «текущий момент») обсуждался на заседании Совета. Докладчиком выступил Карелин.

Его позиция: не нужно коалиции с кадетами, борьба за мир, но... не власть Советов. Меньшевики высказались

социальных сил, которая оставила бы верховенство за рабочим классом. Рабочему классу надо было (исторически обстоятельства так сложились в России) перешагнуть через все мелко-буржуазные партии и через их голову подать руку революционному крестьянству (сначала солдатам, т. е., крестьянам в мундире).

[1]) Туляков, Вознесенский и Цукублин (ни одного большевика).

[2]) Гуревич (И. Бэр),—меньшевик, Иванов А.,—большевик и Поляков—меньшевик.

[3]) Биценко,—меньшевик, Сихарулидзе,—эсер, и Светлов,—меньшевик.

[4]) Ладнов, Козлов (оба эсеры) и Тимошенко (украинский с.-д.).

[5]) Председателем собрания был избран Гуревич (меньшевик), товарищем председателя—Муранов (большевик).

определеннее за поддержку Временного Правительства (выступили Н. Н. Попов, Штерн и другие).

Левая группа эсеров[1]) во главе с Алгасовым[2]) стояла почти на большевистской позиции. Отвечая одному приезжему депутату-оборонцу (Николаевского Совета) на его выпады по адресу большевиков, Алгасов подчеркнул, что «отношение к большевикам—вот тот оселок, на котором можно испытать революционность».

Это было метко сказано.

Выступление оборонца было для Харьковского Совета интересным и редким «номером».

Позиция большевиков в Совете в те дни?

По правде сказать, она отличалась большой расплывчатостью, так как звучный и ясный лозунг «Вся власть Советам» был снят после июльских дней.

Большевики требовали организации такой власти, которая обеспечила бы всю ее полноту действительно представителями

---

[1]) Не те «левые», которые впоследствии стали «активными», т.-е., сторонниками вооруженного свержения Советской власти, а те, которые впоследствии перешли в ряды большевиков.

[2]) Алгасов был очевидцем июльских событий в Питере и выступал в Харькове с ярким докладом о виденном и слышанном, всецело оправдывая позицию, занятую большевиками.

Тот факт, что в июльские дни эсер выступает в защиту большевиков,—производил огромное впечатление на рабочих, и не только на рабочих.

Впрочем, против грубых приемов юстиции Керенского протестовали (на словах, конечно) даже меньшевики и Бунд. Харьковская организация Бунда возмущалась преследованиями большевиков, «как представителей определенного политического течения», и решила послать «свой братский привет и сочувствие заключенным в тюрьмах и казематах Петрограда» (большевикам). Курс министерства юстиции Керенского признавался «вредным», так как Министерство «арестовывает без пред'явления обвинений политических деятелей и освобождает провокаторов и других прислужников старого режима».

«В правительственной кампании против большевиков—говорилось в резолюции—мы усматриваем опасность для всей революционной демократии».

На заседании Совета 16-го июля Кин говорил, обращаясь к меньшевикам и эсерам: «Помните, что сегодня мы, а завтра вы,—но «все встретимся на Холодной горе» (Холодная гора—район Харькова, где помещалась каторжная тюрьма).

революционной демократии, «ответственным перед Советами»; немедленного принятия самых решительных мер против «контр-революционных промышленных и аграрных кругов», «передачи земли крестьянам путем разрешения земельного вопроса на местах земельными Комитетами», разгона Государственной Думы и Государственного Совета, а также С'ездов землевладельцев и промышленников, отмены ограничений свобод, «противозаконных мероприятий военного министра и генералитета по отношению к действующей армии»; для достижения мира большевики требовали «декларативного обращения ко всем воюющим народам», «с предложением демократического мира» и «призыва под революционные знамена всех, кто действительно заинтересован в революции, для обороны и революционного наступления во имя мировой революции и борьбы международного пролетариата против мирового господства империалистической буржуазии всех стран».

Что касается резолюции, принятой на уже упомянутом заседании 16-го июля, то она говорила о нарушении правительством Керенского «революционно-демократических гарантий» при арестах (большевиков), усматривала в ряде действий Временного Правительства: как-то, в восстановлении смертной казни, массовых арестах, арестах членов Центрального Исполнительного Комитета, без расследования пред'явленных им обвинений самим Центральным Исполнительным Комитетом, в новых правилах о печати, разгромах рабочих организаций, восстановлении 129 ст. Уголовного Уложения и прочее,—во всем этом «капитуляцию перед контр-революцией». Харьковский Совет призывал рабочих, революционную армию и всю демократию сплотиться вокруг Советов как «правомочных органов революционной демократии» и «добиваться выпрямления линии поведения Центрального Исполнительного Комитета в сторону более, чем сейчас соответствующую интересам революции и демократии».

Харьковский Совет требовал образования «революционно-демократического правительства, в большинстве состоящего из представителей социалистических партий и опирающегося на все элементы демократии, которое... осуществляло бы под действительным контролем ответственных органов революционной демократии программу, намеченную последним с'ездом Советов

в области организации промышленности, земельного, рабочего, податного и продовольственного вопросов» и выступило бы «с решительной программой фактического разрыва с империализмом и борьбы за мир».

В этой резолюции отразилась, как в зеркале, несерьезность оппозиции «левых» меньшевиков и народников.

Чтобы хоть как-нибудь «подсластить» эту безвкусную резолюцию, Кин внес поправку о том, что «новое правительство должно быть ответственно перед органами революционной демократии—Советами».

Поправка была принята [1]).

Контр-революция временно праздновала Пиррову победу. Большевистские газеты были закрыты в Питере, на фронте и других местах. Пресловутый циркуляр о печати должен был закрыть рот злокозненным большевикам, и вся буржуазная пресса уже предвкушала удовольствие увидеть полную гибель революционной прессы. «Южный Край», с законной ненавистью взиравший на «Пролетария» и «Правду», одобрительно кивал на циркуляр о печати и находил, что «таким путем будет прекращена преступная агитация, подобная той, какая велась различными органами большевиков» [2]).

---

[1]) Резолюция (без поправки Кина) была принята в Исполкоме 28 голосами против 14.

На заседании Совета резолюция была принята всеми против 9.

[2]) Сердобольный «Социал-демократ» взял под свою защиту большевиков, упрекая буржуазию в том, что она «точно герой из басни Крылова «Лисица и Осел», решила лягнуть лежачего».

Большевиков торопились хоронить.

Июльский разгром казался меньшевикам началом конца революции. Они, по своему обыкновению, преувеличивали до крайности силы буржуазии. «Остаются факты—писали меньшевистские «Известия Юга»,— свидетельствующие о том, что давление на правительство со стороны буржуазных и контр-революционных сил значительно сильнее, чем давление со стороны революционной демократии в лице ее ответственных органов». Впрочем, если меньшевики тут имели в виду то, что Временное Правительство контр-революционно, то в этом они, конечно, не ошибались.

«Пролетарий», хилое детище харьковских большевиков, тоже испытал на себе все прелести «свободы печати» Керенского. Правда, газета не была закрыта по постановлению буржуазных властей даже после июньских дней и, с юридической точки зрения, могла печататься где и как угодно, но подобная «свобода печати» нас еще очень мало устраивала. Нужны были деньги, деньги и деньги: без денег не печатали, не давали бумаги, не доставляли газеты на место назначения,—словом, ничего не делали. А наши средства были очень скудны [1]). Приходилось (на радость рептилиям буржуазной прессы) печатать изо-дня в день такие широчайшие «ленты» по всей газете:

«Товарищи! Наша газета переживает острую нужду в деньгах. Если вы немедленно не придете на помощь, она должна будет погибнуть на-днях».

«Нам нужны деньги!».

«Нам нужно много денег—75.000 руб.».

Эту цифру нужно было собрать в 2 недели для того, чтобы уплатить за типографию [2]), относительно которой нами был заключен контракт, 15—20 тысяч рублей нужны были для оборудования типографии.

Типография была нужна не только потому, что она, по расчетам, сильно понижала убыточность издания (убытки достигали в месяц до 10.000 руб.), но еще и потому, что типографы неохотно соглашались печатать большевистскую газету и можно было рисковать каждую минуту

---

[1]) Для иллюстрации приведу почти двухмесячный отчет (с 11 мая по 3 июля) казначея одного из партийных районов:

Получено членских взносов 232 руб. 85 к. Квитанционные книжки—70 коп. Израсходовано: за помещение под собрание городского района 29 июня 3 руб., за штемпель комитета 3 руб., на знамя 8 руб. Итого 14 руб. 70 коп. Остаток на 4-ое июля 218 руб. 15 к.

[2]) Вначале «Пролетарий» печатался в частной типографии, по Рыбной № 38, у В. М. Шнеберга. Бесконечные денежные заминки вызвали ряд «перебоев» в выходе газеты. Приходилось вести форменные «дипломатические» переговоры с хозяином типографии (эта обязанность выпадала на мою долю), чтобы убедить его дать разрешение выпустить очередной номер «взаймы». В конце-концов «дипломатические переговоры» были прерваны. Приобретенная нами в собственность типография была оборудована по Вознесенской № 3.

остаться вовсе без печатного органа. Денег не было — деньги нужно было собрать.

И вот с трудом, но изрядная сумма денег была собрана за несколько месяцев. Часть денег была собрана по разверстке с членов партии (по 20 коп. с каждого)[1]), другая часть в виде паевых взносов в издательство «Звезда» (пай—6 рубей), часть суммы была взята взаимообразно у союза «Металлист» (1000 руб.) и у завода Всеобщей Компании Электричества (то же). Словом, приходилось всячески изворачиваться, но это не всегда удавалось, и «Пролетарий» выходил с перерывами, на скверной бумаге, неряшливо отпечатанный, настоящий пасынок прессы, не в пример «Социал-демократу», который всегда имел солидную, почти буржуазную внешность[2]).

Такова была для рабочей партии и рабочего класса «свобода печати», как и прочие «свободы»: собраний, союзов, личности и т. п.[3]).

Июльские тревожные дни свидетельствовали о переломе в развитии социальных сил революции и контр-революции.

Соглашательство явно сходило со сцены.

Но пока это были только цветочки: ягодки были впереди...

---

[1]) В июле—августе в Донецком бассейне насчитывалось до 20.000 членов партии.

[2]) В первые месяцы революции редакция и контора нашей газеты помещались в подвале, на Кузнечной № 2, там же помещался комитет партии и прочее, в одной комнате. На верхнем этаже расположились вширь и вдоль меньшевики.

[3]) Только за несколько слов о том, что Ленин невиновен в приписываемых ему преступлениях, подозреваемые в большевизме задерживались и подвергались всяческим мытарствам.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

БОРЬБА ПАРТИЙ И КЛАССОВ ВО ВТОРОЙ ПЕРИОД РЕВОЛЮЦИИ (ПОСЛЕ ИЮЛЬСКИХ ДНЕЙ)

Выборы в «настоящую» Думу.— Рабочие собираются выступить 1 августа.— Стачка на Паровозостроительном.— Капиталисты наступают.— «Программа-минимум» контр-революции.— Аресты директоров заводов.— Революционный Штаб ликвидирует забастовку.— Новый Харьковский Совет.— Московское Совещание.— Корниловщина.— 12 властей в Харькове.— Бред-парламент.— Эсеры голосуют против лозунга: «земля крестьянству».— Накануне октябрьских дней: демонстрация 14 сентября.

После переворота 27—28 февраля для всех стало ясно, что необходимо реорганизовать прежние цензовые органы самоуправления: Думы и земства. На короткий миг органы самоуправления в прежнем своем составе (домовладельцы и купцы) заняли даже первенствующее положение. По приказу свыше, от князя Львова, первого председателя «революционного» правительства, губернаторами назначались председатели губернских земских управ (не переизбранных). Харьковский председатель губернской земской управы, однако, предупредительно отказался от свалившейся ему, как снег на голову, сановной должности, для чего пришлось даже дипломатически «заболеть».

Оставался товарищ председателя управы П. П. Добросельский. И 6-го апреля Городской Общественный Комитет утвердил губернским комиссаром П. П. Добросельского, а его помощниками—С. М. Кузнецова и С. С. Жилкина [1]).

У власти очутились цензовики. Но, чтобы хоть отчасти удовлетворить естественную тягу демократических кругов к власти, Думу и земство решено было «демократизировать», чему, кстати сказать, предшествовали ожесточенные споры среди самих цензовиков. (Ссылались больше на то, что «все равно скоро будут выборы в настоящую Думу», на основе всеобщего, прямого и т. п. голосования). Решение «демократизировать» Думу было вызвано тем, что выборы в настоящую Думу, как и в Учредительное Собрание, затянулись: пришлось прибегнуть к вспрыскиванию демократического «морфия» в цензовые органы.

---

[1]) Представители Совета в Городском Общественном Комитете заявили, что участия в выборах не принимают, однако, считают себя вправе оказать известное давление на комитет и хотели бы, чтобы последний выбрал П. Добросельского и С. Кузнецова. Представитель партии к.-д., Н. Н. Ковалевский, отказался баллотироваться.

В демократизированной Думе 30 мест было предоставлено Совету рабочих и солдатских депутатов, 2 — большевикам, 2 — меньшевикам, 2 — эсерам, 1 — бунду, 1 — украинским социал-демократам, 1 — серпу, 1 — польскому «Об'единению», 1 — латышскому кооперативному о-ву, 1 — кооперативу «Самодеятельность», 1 — еврейской рабочей столовой, 11 — профсоюзам. В земство получили доступ крепкие хозяйчики.

По существу, ничего в этих органах не изменилось. Партии мелкобуржуазной демократии, меньшевики и эсеры, игравшие командную роль (в тот период) в Советах, не использовали органов самоуправления даже в качестве трибуны; большевики же были еще слишком слабы; не хватало сил для работы в массах и в Совете. К моменту выборов в «настоящую» Городскую Думу большевики были уже значительно сильнее, организация обросла рабочей массой,—но выборы в настоящую Думу происходили как раз сейчас же вслед за июльским разгромом[1]), и эти переломные дни наложили свой отпечаток на результаты выборов и вообще обстановку предвыборной агитации. Тяжелая сложилась обстановка[2]). Наши лозунги были, как всегда, просты и ясны. Мы обращались «ко всем рабочим и солдатам» и бросали вызов старому миру. «Мировые разбойники, наши заклятые враги, капиталисты и их преступные правительства, запутались в собственных сетях. В море человеческой крови хотели утопить они идею социализма, огнем братоубийственной войны хотели выжечь ее из наших сердец. Они ошиблись. В этой крови, в этом огне погибнут они сами»!..[3]).

Это был лозунг: «Долой войну!» или («дипломатичнее»): «Немедленный мир». Рабочие и солдаты должны были отделить свою партию («просят не смешивать!») от так называемых «социалистических» партий меньшевиков и эсеров. «Они только называют себя «социалистическими»—говорилось далее в листовке,—

---

[1]) 9-го июля.

[2]) Был случай, когда подвергся разгрому большевистский агит-броневик.

[3]) Я не припомню теперь, кто явился автором воззвания, отрывки из которого мною приведены. Возможно, что это воззвание было, как во многих других случаях, плодом коллективного творчества Сурика (редактора «Пролетария») и... редакционных ножниц. Из пишущей братии чаще других «поставляли» листовки Сурик, Картозия и автор этих строк; изредка Артем.

но все свои упования возлагают не на трудящихся, а на буржуазию, с которой вступили в союз в лице Временного Правительства. Это—«липовые» социалисты!

Но «липовые социалисты» были в тот момент еще сильны в отсталой рабочей среде.

В рамки партии «социалистов-революционеров», казалось, уложились разнообразные оттенки беспринципного мещанства—и эта партия торжествовала полную победу. Надо еще удивляться тому, как при таких условиях большевики получили в Думе 11 мест, на 3 места менее, нежели меньшевики [1]).

Уже на первом заседании Думы (26-го июля) партийные группы выступили со своими декларациями. Характерную картину представляли выборы первого председателя новой Городской Думы. Записками были намечены В. Карелин (эсер), А. Поддубный (меньшевик) и А. Ю. Вегнер (народный социалист). Последние двое отказались баллотироваться. Остался один—В. Карелин. И вот перед баллотировкой любопытная сцена: один за другим выходят представители списков 1, 2, 3, 4, 6, 7, 9, 10, 12, и 13 [2]) и заявляют о том, что при выборах председателя Думы они воздержатся от голосования. В. Карелин оказался избранным голосами эсеров: 44 избирательных, 2 неизбирательных.

В ответ на бесцветную («и нашим, и вашим») декларацию эсеров, им обещали поддержку только украинские эсеры (Соколовский), «Серп» (Шапиро), литовцы-эсеры, латыши-эсеры и мусульмане. Меньшевики ограничились словесной полемикой с кадетами, этими «большевиками справа», как выразился Сан (Девдариани).

---

[1]) В Думу оказались избранными по нашему списку (№ 3): Муранов М. К., Иванов А., Сурик, Пастер А. (рабочий Всеобщей Компании Электричества), Буздалин С. Ф., Скороход А. Г. (железнодорожник, в 1919 году покончил с собой), Плахотников А. П. (товарищ председателя союза «Металлист»), Картозия С., Лугановский Э. В., Бунякин И. (железнодорожник) и Томашевский К. В. (член Харьковского Комитета). На место выбывших, в Думу попали еще Г. Г. Ефименко и Данилевский Н. С., Кин П. А. и Рухимович.

[2]) В том же порядке: кадеты, меньшевики, большевики, украинские социал-демократы, «квартиронаниматели», украинские буржуа, «почтово-телеграфные чиновники» народные социалисты, сионисты и польские буржуа. Представители списков 8 и 11 (Поалей-Цион и ортодоксальных евреев) не были вовсе на заседании.

Резко и определенно поставили основной вопрос о власти большевики. От лица гласных большевиков С. Картозия огласил декларацию, в которой мы обращались через Голову Думы к населению Харькова с трезвым словом: «мы не хотим обманывать население, говоря ему, что можно спасти страну от гибели, не добившись прекращения войны и не ведя беспощадной классовой борьбы с капиталистами».

Покуда у власти стоит буржуазия, не может быть и речи о разрешении насущных вопросов, стоящих перед трудящимися. «Никакие задачи революционной демократии не будут осуществлены, ни на какое спасение страны от гибели нельзя надеяться, если власть, теперь захваченная буржуазией в свои руки, благодаря трусливой и предательской политике меньшевиков-оборонцев и эсеров-оборонцев [1]), до сих пор смеющих прикрываться социалистическим знаменем,—не перейдет в руки Советов». Только Советы могут спасти страну от гибели. Когда Советы возьмут власть в свои руки, они явятся подлинными выразителями интересов широких масс населения. И—«ни Временное Правительство, ни Государственная Дума, ни Городские Думы не имеют права считать себя выразителями воли революционного народа».

Так заявляли в Думе гласные—большевики, и это упорное повторение решительного лозунга «Вся власть Советам» ставило большевиков в резко-обособленное положение. Все партии, не исключая «левых» групп меньшевиков и эсеров, распинались перед «четырехвосткой». Только большевики бросали в лицо «демократической» Думе, избранной на основе всеобщего, прямого и прочего голосования: «Вы не имеете права считать себя выразителями воли революционного народа!»...

Большевики «гнули свою линию»: гражданская война, немедленный мир, беспощадная борьба с капиталистами, рабочий контроль, земля крестьянству немедленно и без выкупа.

Не четырехвостка должна была привести к осуществлению этих основных и непосредственных требований «революционного

---

[1]) С левыми группами меньшевиков большевики местами даже блокировались при выборах в Городскую Думу. Надо было вносить раскол в ряды мелкобуржуазной демократии, отрывая интернационалистские элементы от оппортунистов.

народа». До июльских дней эту задачу могли выполнить почти безболезненно (с точки зрения пертурбаций, связанных с переходом власти из рук одного класса в руки другого в самый момент перехода),—Советы, если бы они не находились под идейным влиянием соглашателей. В июльские дни контр-революция настолько окрепла, что утверждать возможность безболезненного перехода власти в руки Советов значило бы усыплять бдительность рабочих и революционных крестьян. После июльских дней вопрос о власти мог быть разрешен (как это и случилось впоследствии) путем восстания против Временного Правительства рабочих и революционных крестьян (главным образом, солдат), сплоченных вокруг своих классовых организаций—Советов.

Поколебленное в июльские дни положение быстро восстанавливалось. Этому способствовали, между прочим конечно, невольно, сами же капиталисты, продолжавшие после июльских дней свою локаутную политику.

Сговориться с локаутчиками не было никакой возможности: в ответ на самые скромные требования рабочих капиталисты закрывали одно предприятие за другим полностью или частично. Мы уже видели, как воинственно вели себя капиталисты, когда чернорабочие пред'явили им ряд скромных требований, поддержанных всеми общественными организациями, в том числе и Губернским Общественным Комитетом, которого уж никто не упрекнет в чрезмерной «революционности».

Революционный Штаб, образованный в Харькове после июльских дней, оказался беспомощным (или просто не хотел помочь рабочим) и перекладывал всю ответственность на пресловутую «комиссию Сипайло»[1]).

---

[1]) Союз «Металлист» предупреждал особым письмом Революционный Штаб, что «настроение на заводах резко повышенное», что «доверие к Совету и другим органам демократии сильно пало», что «не исключена возможность эксцессов, вывоза административных лиц на тачке, уличные выступления и т. п.» Нетрудно было быть пророком при создавшихся условиях: «эксцессы», действительно, имели место и продолжались непрерывно, пока октябрьский переворот не разрубил этого гордиева узла.

Когда эта комиссия приехала, наконец, в Харьков, союз «Металлист» «пытался поставить работу» комиссии на революционные рельсы. Организованные металлисты правильно указывали гражданину Сипайло на то, что, если до августа, с первых дней переворота, харьковские рабочие не прибегали к массовой забастовке, то лишь в силу влияния квалифицированных металлистов на чернорабочих [1]) и что металлисты так поступали не только из опасения приостановки всех металлообрабатывающих предприятий Харькова, но, главным образом, учитывая политический момент в поведении предпринимателей и желая сохранить революционную выдержку до конца. Металлисты настаивали на удовлетворении требований чернорабочих в ближайшие же дни [2]).

26 июля конференция фабрично-заводских комитетов постановила присоединиться к предложению металлистов—устроить демонстрацию, если до 1-го августа комиссия Сипайло не заставит капиталистов удовлетворить требования чернорабочих [3]).

Комиссия Сипайло, конечно, ничего не сделала. Рабочие решили выйти на улицу с лозунгами [4]): «Справедливая плата чернорабочим! Мужчинам—5 руб. Женщинам—3 руб. 50 коп.!». «Да здравствует контроль над производством!». «Долой закрытие фабрик и заводов!». «Мы требуем вмешательства государства!». «Капиталисты разрушают производство!». «Долой локауты! Мы хотим работать!».

«Вопрос о чернорабочих превратился в общий для всех металлистов вопрос первого столкновения с предпринимательской организацией—писал «Металлист» в своем обращении к рабочим».

---

[1]) Союз «Металлист» провел систему взаимопомощи, вернее помощи чернорабочим из скудного заработка квалифицированных металлистов.

[2]) Металлисты писали Сипайло: «Если до 1 августа центральная государственная власть в вашем лице откажется разрешить этот вопрос, тогда снова встанет угроза стихийного массового действия. Мы не считаем возможным допустить неорганизованные выступления рабочих и заявляем вам, что примем инициативу грядущего экономического столкновения на себя. Вся ответственность в этом случае падет на капиталистов «и на представителя власти, не учитывающего важного государственного значения разыгравшегося акта социальной борьбы».

[3]) За это предложение голосовало 114, против—6, воздержалось—2.

[4]) Лозунги были предложены союзом «Металлист».

Рабочие уже готовы были выйти на улицу и — бог весть, какую форму приняла бы эта массовая демонстрация—терпение, казалось, лопнуло,—вдруг осечка: Совет решил оттянуть разрыв между рабочими и капиталистами и обратился к первым с просьбой—подождать еще некоторое время, обещав уладить создавшийся острый конфликт. Рабочие, сдерживаемые с трудом, согласились ждать короткий срок[1]). 7-го августа вспыхнула экономическая забастовка на паровозостроительном заводе. Сдерживать дальше расходившиеся страсти стало невозможно, и в тот же день, 7-го августа, конференция фабрично-заводских комитетов сняла с себя ответственность за «дальнейшее». 8-го августа в Думе выступил Боярков: «Мы обращаемся к вам—сказал он—не потому, что боимся катастрофы, она неминуема, и вина за нее ляжет не на наши плечи, но мы хотим знать, какая фракция посмеет не пойти нам навстречу».

Дума отделалась ничего не значущей резолюцией.

Положение становилось день ото дня все обостреннее. Вслед за паровозостроительным заводом волнения прокатились по остальным предприятиям.

На русско-французском заводе, где чернорабочие составляли половину общего числа рабочих, решено было сначала об'явить забастовку, но заводской комитет вынес этот вопрос на разрешение общего собрания: решили об'явить итальянскую забастовку. На заводе Шиманского, несмотря на личное посещение завода Сипайло, чернорабочие отказывались стать на работу. Чернорабочие Всеобщей Компании Электричества присоединились к паровозникам. Чернорабочие завода Мельгозе — тоже.

Квалифицированные рабочие ждали только сигнала, чтобы бросить работу. 11-го августа Совет решил послать особую делегацию к Временному Правительству. В состав делегации попал и Боярков. Дело затянулось на долгий срок.

---

[1]) Паровозники дали Совету 12 дней для улажения конфликта, а рабочие Всеобщей Компании Электричества только три дня, решив, в случае отказа, «выступить самостоятельно для защиты своих экономических интересов». На собрании присутствовало 4000 рабочих.

Капиталисты между тем продолжали действовать своим испытанным оружием: частичным или полным, временным или постоянным закрытием «своих» предприятий [1]).

Застрельщиком локаутчиков явилось правление паровозостроительного завода. В ответ на требование чернорабочих, правление завода выставило, в свою очередь, такие требования:

1. Заводской комитет не вмешивается в распоряжения директора и администрации.

2. Прием и увольнение служащих составляет неот'емлемое и исключительное право заводоуправления.

3. Устранение служащих и рабочих сослуживцами совершенно недопустимо.

4. Заводоуправление немедленно принимает снова на службу из числа ранее уволенных заводским комитетом тех, кого найдет нужным.

5. Для служащих вводится не 6-ти часовой рабочий день, а 7-ми часовой.

6. Порядок сношений заводоуправления с заводским комитетом устанавливается заводоуправлением.

7. Сверхурочные работы производятся по усмотрению заводоуправления.

8. В случае нарушения этих правил мастерские, отделы и весь завод будут закрыты.

Таковы были требования локаутчиков. «Пролетарий» писал, что это «программа-минимум» контр-революции. Принять эту «программу-минимум» было невозможно.

Забастовка продолжалась. И с 10-го августа завод был закрыт. «Можете приступить к расчету всех рабочих»,—телеграфировало правление завода директору.

Конфликт принимал крайне острый характер.

На защиту паровозников поднимался весь организованный харьковский пролетариат во главе с боевым профсоюзом «Металлист», руководимый большевиками. Все мелкие конфликты на заводах должны были быть ликвидированы,—по постановлению

---

[1]) В «мартиролог» закрытых предприятий попали одно время и паровозостроительный завод, и Гельферих-Саде, и Всеобщая Компания Электричества. «Металлист» об'явил места заводов под бойкотом.

«Металлиста»,— паровозники переходили на содержание харьковского пролетариата. Надо во что бы то ни стало выиграть эту стачку.

При поддержке все того же «Металлиста», рабочие Харькова решили организовать внушительную демонстрацию, назначили день: 29 августа. Но политические события развивались между тем усиленным ходом. И когда грянула корниловщина,— харьковскому пролетариату было, конечно, не до демонстрации. Демонстрация 29-го августа не состоялась.

А затем события стали еще быстрее разворачиваться: промелькнуло Московское Совещание, за ним бред-парламент, приближался счастливый волшебный момент октябрьского переворота.

Локаутчики не сдавались.

Вслед за паровозостроительным заводом локаутчики закрыли («на два месяца») завод «Герлях Пульст».

Рабочие ответили стихийной вспышкой: арестовали администрацию завода Всеобщей Компании Электричества и «привели в порядок» боевую дружину завода, арестовали директора завода «Герлях Пульст» и проч. и проч.

Это было каплей, переполнившей чашу.

Об'единенный «Революционный Комитет», высший орган власти в губернии, после корниловских дней вмешался, наконец, в «экономический» конфликт и заявил, что «берет на себя разрешение конфликта, не останавливаясь перед самыми решительными мерами,—вплоть до ареста всего союза фабрикантов и заводчиков, если то потребуется».

Забастовка стала более ненужной. Рабочие одержали верх в этой гигантской тяжелой борьбе. Быстро назревший после корниловщины октябрьский переворот довершил эту победу, жизнь была переведена на новые рельсы [1]).

Массы заметно изживали соглашательские иллюзии, испытав на собственной спине «прелести» буржуазной Аркадии. Из всех партий только большевики шли во главе передовых

---

[1]) Я остановился на важнейших этапах стачечной борьбы в этот период. Следовало бы еще указать на мощное стачечное движение печатников, иголочников и друг. Во главе печатников стояли меньшевики и этим об'ясняется характерный факт: отказ печатать большевистскую газету «Пролетарий» во время забастовки...

рабочих, вступивших в жестокий бой с капиталистами. Меньшевики быстро теряли свой авторитет. Эсеры, благодаря расплывчатости своей позиции, еще держались на отсталых заводах и в мелких мастерских. Но влияние большевиков росло с каждым днем. И это показали перевыборы харьковского Совета в августе. Результаты были весьма любопытны: меньшевики еле получили 35-40 мест, почти одинаковое

Тов. Рухимович.

число мест досталось эсерам и большевикам (эсеры—130-150, большевики—120). Положение большевиков в Совете заметно укрепилось: фракция почти учетверилась и заняла второе место после эсеров. Скромную оппозицию составила группка меньшевиков. Выросла об'единенная фракция украинских социалистов (с.-р. и с.-д.). Последние в то время еще оказывали нередко поддержку большевикам и склоняли чашу весов влево.

Позиция «левых» эсеров, пробравшихся в Совет, не отличалась яркостью, фракция была не однородной в политическом смысле. Нечего и говорить, что такой Совет, с такой пестрой политической физиономией, хотя и был до известной степени барометром массовых настроений, но в то же время был лишен всякой принципиальной твердости и революционной последовательности. В Исполнительный Комитет Совета вошло 15 эсеров, 12 большевиков [1]), 6 меньшевиков, 4 украинских социалиста [2]), 2 беспартийных и 1 анархист. Председателем Исполкома был избран Кин (большевик!!), товарищами председателя—Светлов (меньшевик), Черневский (эсер) и Северо-Одоевский (украинский эсер), секретарями—Ерухимович (эсер) и Мартьянов (большевик).

Редакторами Советских «Известий» избрали одного меньшевика, одного большевика и одного эсера.

Благодаря нестойкому фракционному составу Совета, постановления его нередко расходились с решениями Исполкома и наоборот. В Исполкоме соглашательским духом веяло больше, чем в Совете, так как эсеры и меньшевики бывали неаккуратно на собраниях Совета, а украинцы, как я уже упомянул, нередко поддерживали большевиков.

Большую путаницу трудно было себе и вообразить.

Таков был Харьковский Совет во время корниловской эпопеи.

Небольшие разногласия наметились на городской конференции большевиков по вопросу об отношении к московскому совещанию. Мартьянов сравнивал московское совещание с Государственной Думой и утверждал: раз мы шли в Государственную Думу, почему бы нам не пойти на контр-революционное совещание?

---

[1]) Артем, Руднев, Кин, Коваленко, Плахотников, Буздалин, Сапельников, Тиняков и другие.

От Харьковского Комитета большевиков в Исполком входили Рухимович и Мартьянов.

[2]) Павлюк, Медведев (будущий председатель ЦИКУК), Андрющенко и Мартьяненко.

Представителями партий входили в Исполком Петренко (украинский с.-д.) и Северо-Одоевский (украинский эсер). Последний прибыл еще в июне в Харьков, как полномочный представитель Центральной Рады.

Другие (Сурик, автор этих строк и проч.) возражали Мартьянову. В 1-ю Государственную Думу мы не посылали своих депутатов. Это была, быть может, ошибка. Но бывают-же, значит, такие условия, когда мы н е д о л ж н ы и т т и «в хлев» распространять свои идеи. Московское «Государственное Совещание»—«хлев».

Принимать участие в подобном совещании значит ослабить готовность масс решить п о-и н о м у вопрос о судьбе революции. Мы накануне нового переворота.

Такова была позиция большинства харьковской организации. Эту же точку зрения защищали наши гласные в Думе. Большевики отказались принимать участие в посылке делегатов на совещание, где соберутся «все организованные группы контр-революции, начиная с обломка романовско-столыпинских Дум и кончая организациями локаутов и спекулянтов».

Дума послала на совещание 3 эсеров [1]) и 2 меньшевиков [2]).

От большевиков в Думе выступил Картозия. «У нас есть другой путь для борьбы с контр-революцией,—сказал Картозия. Мирная фаза русской революции окончилась. Надо вырвать власть из рук буржуазии».

О том, что мы готовимся к в о с с т а н и ю,—все знали. Мы об этом писали открыто в своей прессе, этого не скрывали в своих речах и в выступлениях перед массой.

В «Пролетарий» Сурик указывал, что «задачей пролетариата во второй период революции является з а х в а т в л а с т и при условии поддержки его (пролетариата) полупролетарскими слоями деревни в период нового революционного под'ема».

Волна нового революционного под'ема, действительно, прокатилась после выступления Корнилова.

Корниловщина, как форма военной диктатуры контр-революции, не была неожиданностью для тех, кто разбирался трезво в перспективах русской революции [3]).

---

[1]) Карелина, Голубовского и Ладнова.

[2]) Моркова и Махрова.

Кстати сказать, отношение харьковской организации к московскому совещанию не совпало с общепартийной тактикой. Делегаты-большевики, прочитав декларацию, покинули совещание, на котором Бубликов и Церетелли умильно пожимали друг другу руки.

[3]) Московский «Социал-демократ» предсказал, как известно, чуть ли не день выступления бравого генерала.

Между керенщиной, как политическим символом попустительства контр-революции, и корниловщиной, как действенной формой контр-революции, не могло быть глубоких противоречий. Керенщина должна была вскормить и организовать корниловщину.

У Керенского самого «рыльце в пушку», как это сейчас выяснено с исторической достоверностью.

И, в сущности, корниловщина ведет свое начало не от первого (и последнего) приказа генерала-диктатора, а от времени более ранних, пожалуй, с после-июльских дней, когда рабочие и солдатские организации подверглись разгрому [1]), когда крестьянские земельные комитеты оказались лишенными всякой опоры сверху, и в России запахло старо-режимным духом полицейского произвола.

В конце августа выступление Корнилова стало фактом. Храбрый генерал отдал Ригу немцам и направил свои полки на Петроград.

«Час новых грозных испытаний пробил»,—писал Харьковский Комитет, обращаясь к рабочим: «Мы пишем вновь на нашем красном знамени:

«Вся власть революционному пролетариату и беднейшим крестьянам!» [2]).

По получении известий из Петрограда о корниловском мятеже, Исполком выделил из своей среды «Временное Революционное Бюро» из 11 человек., поручив ему созвать широкое собрание революционных и демократических организаций. Военная власть перешла от начальника гарнизона, полковника Курилко, к Военному Совету при начальнике гарнизона, куда входили меньшевики, эсеры и 2 большевика (Кин и Коваленко). Как я

---

[1]) Еще 19-го июля Харьковский Совет Солдатских Депутатов постановил считать приказ генерала Корнилова (от 12-го июля) контр-революционным, так как он имеет своей целью совершенное уничтожение солдатских общественных организаций, и потребовал «немедленной отмены приказа генерала Корнилова, а также удаления его с поста главнокомандующего и отстранения от всех ответственных командных должностей, как врага революции и предводителя темных контр-революционных сил».

[2]) Помню, что в первоначальном тексте воззвания было сказано (я был его автором): «Вся власть Советам!». Но этот лозунг был снят после июльских дней, и Сурик, скрепя сердце, видоизменил редакцию лозунга.

уже сказал выше, демонстрация, назначенная на 29-е августа, благодаря разыгравшимся событиям,—не состоялась [1]).

Снова, как после июльских дней, был созван чрезвычайный орган власти в губернии, так называемый «Революционный Штаб» или Ревком, выделенный на собрании следующих организаций: Исполкомов (обоих), Областного Комитета Советов, Губернской Украинской Рады, Украинской Войсковой Рады, Военного Совета, Центра заводских комитетов, центрального бюро профсоюзов, представителей полковых комитетов и комитетов социалистических партий.

После некоторой заминки в Революционный Штаб были допущены представители Городской Думы. Украинцы выделили особый «Украинский Революционный Штаб», однако заявили (на заседании Совета 29-го августа), что будут действовать в полном контакте с Революционным штабом.

В этот момент в городе и губернии было очень много самых разнообразных властей:

1. Об'единенный Революционный Комитет;
2. Революционный Штаб;
3. Исполнительный Комитет рабочих и солдатских депутатов;
4. Исполнительный Комитет крестьянских депутатов;
5. Городская Дума;
6. Губернский Общественный Комитет;
7. Губернский Комиссар;
8. Областной Комитет Советов;
9. Губернская Украинская Рада;
10. Украинский Революционный Штаб;

---

[1]) Исполком и Временное Революционное Бюро, поверив сообщениям Керенского, выпустили воззвание «к гражданам гор. Харькова», в котором утверждали, что «правительство стало, наконец, на путь борьбы с контрреволюцией» и что «в этом оно встретит поддержку демократии». «Контрреволюция—говорилось в воззвании—выявила свое черное лицо и с ней нужно бороться, бороться ожесточенно, а не демонстрировать против нее».

Демонстрация, поэтому, отменялась.

Ввиду чрезвычайности момента, большевистский комитет призвал членов партии в боевые дружины и выделил «пятерку», наделив ее полнотой власти. В пятерку вошли: Сурик, Поко, Картозия, Ярослав и автор этих строк.

11. Военный Совет при начальнике гарнизона;

12. Губернская Украинская Войсковая Рада [1]).

И все эти «власти» претендовали на полноту, мешая друг другу, сплетаясь в один хаотический клубок, из которого трудно было найти выход, так как эсеры и меньшевики, наговорившись досыта, всегда кончали тем, что отвергали принцип Советской власти, а это был единственный выход из лабиринта. Нужны были меры решительные, без оглядки назад, строго-революционные, а меньшевики и эсеры ограничивались одними словами да и то не договаривались до логического конца. Большевики же намечали определенные меры спасения революции:

1. Вооружение революционных полков и рабочих;

2. Разоружение и расформирование контр-революционных частей;

3. Выборность командного состава;

4. Арест контр-революционеров;

5. Закрытие контр-революционных газет и реквизиция их типографий;

6. Реорганизация милиции на выборных началах;

7. Реквизиция нужных помещений для устранения жилищной нужды;

8. Реорганизация отделов труда, продовольствия и другие.

Отправляя своих делегатов на Демократическое Совещание, большевики дали им наказ разоблачить корниловское лицо Временного Правительства и мелкобуржуазных соглашателей.

Мы повторяли свое: «Вся власть Советам», а эсеры и меньшевики, потерпев крах со своей коалицией, выкинули лозунг: «Коалиция, но без кадетов». Между тем, положение оставалось серьезным. Правда [2]) корниловская авантюра сорвалась, но на юге вырос новый враг: Каледин [3]).

---

[1]) Этот список далеко неполон. Свои «власти» были еще на железных дорогах, на телеграфе и проч. и проч.

[2]) «Новая жизнь» в свое время признала, что главные заслуги в разоблачении великокняжеских интриг накануне корниловской авантюры (замешаны были Родзянко, Гучков и др.) принадлежала петербургским большевикам, а надо знать, что как раз разоблачение этих интриг заставило корниловщину преждевременно открыть свое лицо и таким образом осудило авантюру на быструю гибель.

[3]) В Киеве против революционной демократии восстали казаки и юнкера при попустительстве Центральной Рады.

Предстояла еще серьезная борьба с контр-революцией. Это понимали не только большевики. Поэтому, когда Керенский потребовал самороспуска чрезвычайных штабов, созданных в момент корниловской авантюры, Харьковский Об'единенный Ревком решил не подчиниться приказу Керенского. Харьковский Революционный Штаб решил сохранить власть в своих руках, правда, «работая в полном контакте с центральными органами Временного Правительства и с Украинской Радой, поскольку последние не идут в разрез с волей революционной демократии в лице Советов». Революционный таб решил активно вмешаться в хозяйственно-экономические отношения и проводить в жизнь самым решительным образом все мероприятия, признанные необходимыми для устранения острых конфликтов. Это была уже почти «Советская власть», и этот лозунг срывался уже с уст отдельных эсеров, исчезли как будто (по крайней мере, наружно) меньшевики-оборонцы, революционным жаром веяло от выступлений Северо-Одоевского и других.

Но, когда большевики потребовали в ясной форме, чтобы Харьковский Совет об'явил себя властью, мелко-буржуазная природа радикальствующих эсеров и меньшевиков неизменно выпячивалась наружу. Так было в конце августа или начале сентября, когда Совет обсуждал вечный «текущий момент» в связи с корниловским выступлением. Казалось, что в ответ эсеры (Ширяев, Качинский) признают свою ошибку и скажут: «Да, правы большевики. Вся власть Советам!». Северо-Одоевский утверждал прямо, что «украинская демократия всегда поддерживала лозунги большевиков».

Но когда большевики поставили на голосование свою резолюцию («вся власть Советам!»)—она собрала 77 голосов против 90. Только малая группа украинских социалистов во главе с Медведевым голосовала вместе с большевиками. Петренко, Северо-Одоевский и другие голосовали вместе с эсерами.

То же повторилось 12-го сентября, когда Совет должен был открыть свое лицо в связи с демонстрацией, назначенной на 14-ое сентября.

Большевики предложили следующие лозунги:

«Вся власть Советам!».

«Долой войну!».

«Вся земля трудовому крестьянству — немедленно и без выкупа!».

«Долой предательскую политику гг. Керенских!».

«Корниловщину под немедленный и гласный суд!».

«Долой царские тайные договоры!».

«Долой черное гнездо контр-революции—партию народной гибели!».

«Рабочий контроль над производством!».

«Требуем немедленного освобождения вождей революционного пролетариата!».

«Да здравствует III Интернационал!».

Характерный инцидент разыгрался при обсуждении лозунга: «Земля крестьянству!».

Когда Артем задал вопрос: «кто против этой резолюции, пусть скажет открыто?»,—раздался голос:

«Я против. Землю нужно дать крестьянам организованно».

Это был Северо-Одоевский. Эсеры дружным голосованием отвергли лозунг: «земля крестьянству — немедленно и без выкупа».

В июне харьковские эсеры понимали (по крайней мере, на словах), что земельный вопрос нужно урегулировать до Учредительного Собрания, в сентябре они утверждали иное.

Той же участи подвергся лозунг: «Вся власть Советам!» (75 голосов за, 86 — против).

Такова была физиономия Совета в тот момент.

Революционный штаб был не властью, а какой-то примирительной камерой. Там хозяйничали все, кому было не лень: эсеры, меньшевики, «украинцы» и отчасти большевики.

Случайное большинство в Совете или в Исполкоме давало перевес той или другой стороне. Власть валялась на улице. Но большевики постепенно одерживали верх.

Демонстрация 14 сентября показала, что симпатии масс теперь больше, чем когда-либо, на стороне большевиков.

Лозунги большевиков покрывали остальные. В воздухе уже запахло предвестниками октябрьской грозы.

ГЛАВА ПЯТАЯ

ОКТЯБРЬ

«Военно-революционный комитет». — Ревком и Совет. — Позиция Викжеля. — «Долой гражданскую войну!». — Литературные нравы. — Довбищенко и «Нова Громада». — 10-е ноября: Совет берет власть в свои руки. — Разоружение 2-го украинского полка. — Выборы в Учредительное Собрание. — Муравьев, Сиверс, Антонов, ЦИКУК, ЦИКдонбас и Центральная Рада.

Идея Советской власти, как это показала с убеждающей яркостью демонстрация 14-го сентября, пустила глубокие корни в «низах». Но с «верхами» еще пришлось выдержать длительную борьбу. Был момент, когда казалось, что Советы не выберутся из трясины оппортунизма, и, ища выхода из положения, рабочие стихийно создавали другие органы борьбы, перекладывая на них боевые задачи. Таким боевым органом харьковского пролетариата был центр фабрично-заводских комитетов, где большевики имели сильное влияние. Еще в июле, харьковские революционные рабочие заявляли устами центра, что «считают необходимым введение контроля рабочих над производством и распределением продуктов во всей стране» и что для осуществления этой меры необходим «переход власти в руки Советов».

По крайней мере, половина гарнизона тоже стояла за Советскую власть уже с июльских дней. Даже Совет крестьянских депутатов, где эсеры крепко засели, говорил подчас «прозой», сам того не ведая [1]).

---

[1]) Отправляя в Петербург своего делегата (Качинского), харьковский Губернский Совет Крестьянских депутатов принял 12 июля следующий наказ: «Признать, что в настоящее время развитие революции дошло до того момента, когда власть непременно должна перейти в руки Советов. Временное правительство должно быть ответственно перед Советами, причем его состав не обязательно должен быть социалистическим, достаточно и того, чтобы большинство правительства было социалистическим».

Надо заметить, что большевики не вели в тот период никакой работы среди крестьян. Убедившись, что в Совете крестьянских депутатов имеется подходящая почва, харьковский Комитет делегировал туда только одного и притом малоответственного работника.

Это была оплошность. Но не следует упускать из виду, что роль города в тот период революции была исключительно решающей.

Я уже говорил в другом месте, что лозунг «вся власть Советам» подчас срывался с уст отдельных эсеров и не только рядовых. На политическом вечере, происходившем в Харькове в конце июля или начале августа, Карелин чуть не поставил точку над і, сказав:

— «Мы за передачу власти в руки Советов», но, как бы спохватившись, тут же добавил:

— «Но мы не за захват власти Советами: это, конечно, ясно».

Ничего не было ясно в такой позиции; разве только то, что даже «левейшие из левых» эсеров и меньшевиков — ненадежные союзники, что рассчитывать на них отнюдь не приходится.

Дальнейшая революционная борьба подтвердила это положение.

Когда октябрьский переворот, наконец, совершился, большевики оказались одни, покинутыми даже радикальнейшими партиями мелкой буржуазии. Уже после октябрьского переворота [1]) Харьковский Совет вновь отверг голосами «левых» соглашателей предложение большевиков подчинить организованную новую власть («девятку») Совету.

Меньшевики и эсеры шли еще дальше, вступив в контакт с комитетом контр-революции так называемым «Комитетом спасения революции и родины». 26-го октября утром в Харькове был образован «Военно-революционный Комитет». Предложение большевиков сделать его советским органом, подчинив его Совету, было Исполкомом отвергнуто и, по примеру предыдущих «штабов», новый Ревком составился из представителей разных организаций.

«Украинцы» на этот раз настояли на том, чтобы им было дано равное представительство с «русскими» элементами и в Исполнительное Бюро Ревкома вошли 2 большевика [2]), 2 эсера (русских), 2 украинских с.-д., 2 украинских эсера и 1 меньшевик.

Составленный в большинстве из «мягкотелых» элементов, новый Ревком не был твердой властью, а потому не был и

---

[1]) 30 октября.

[2]) В Ревком входили от большевиков Артем и Рухимович, их заменяли В. Межлаук, Сапельников, Мартьянов и другие.

единственной властью в губернии и городе. Многовластие царило попрежнему. Контр-революция, как я уже упомянул, создала «Комитет спасения родины». Вокруг него централизовались такие «власти»:

1. Губернский комиссар и его помощники;
2. Губернский Общественный Комитет;
3. Правая часть Думы;
4. Начальник гарнизона;
5. Комитеты к.-д., группы меньшевиков-оборонцев, эсеров-оборонцев, народных социалистов и другие.

У контр-революции были определенные надежды на броневиков, команда которых в первый момент переворота держалась неопределенно, но скоро выяснилось, что солдаты будут подчиняться Ревкому.

У контр-революции остался последний оплот — Чугуевское гнездо, где юнкера (в Чугуеве находилось военное училище) могли составить значительную силу.

В ночь на 30-е октября до Харькова дошли слухи, что юнкера выступили в походном порядке по направлению на Харьков. В ту же ночь железнодорожники разобрали часть полотна; на станции Харьков-товарная поставили артиллерию с прикрытием; прекратили всякое движение поездов.

Исполнительное бюро Ревкома хотело предупредить кровавое столкновение и послало своих представителей (в том числе большевика Мартьянова) в Чугуев. К вечеру 30-го октября (делегаты Бюро выехали утром) они не вернулись. Как выяснилось позже, они были арестованы офицерством, во главе которого оказался небезызвестный в Харькове эсер, штабс-капитан Ладнов, председатель «Совета солдат-крестьян». 31-го октября в Чугуев выехала новая делегация Ревкома с представителями Думы. После долгих издевательств прежние делегаты были, наконец, выпущены на свободу. Как выяснилось, события в Чугуеве приняли такой характер:

Когда весть о перевороте дошла до Чугуева, часть юнкеров решила добраться до Москвы на помощь московским юнкерам. В ночь с 29-го на 30-е октября часть юнкеров двинулась на вокзал, и так как им не удалось получить вагонов от железнодорожной администрации, они захватили их силой. В вагонах, находились раненые солдаты, юнкера заставили их выгрузиться.

Двинуться дальше юнкера, однако не решились. Они ограничились тем, что решили терроризировать чугуевский Совет. Председателем Совета был начальник милиции Стаховский.

Явившись в милицию, юнкера арестовали Стаховского и заставили его выдать оружие, имевшееся при милиции (берданки).

Штабс-капитан Ладнов добивался от юнкеров еще более решительных действий, но их настроение падало по мере того, как поступали все новые сведения о полном поражении Керенского.

Против Харькова юнкера не выступили.

Последняя надежда харьковского «Комитета Спасения революции» рухнула.

Но комиссары Керенского еще не сдавались. По городу расклеивались воззвания от имени несуществовавшего уже Временного Правительства, распространялись провокационные телеграммы и проч. Ревком ограничивался тем, что срывал эти воззвания и телеграммы [1]).

Но хотя контр-революция имела легальные центры, она была бессильна, у нее не было вооруженных сил, так как солдаты были за одно с рабочими.

Эти центры умирали естественной смертью. Умирала Городская Дума, а Губернский Общественный Комитет еще раньше приказал долго жить [2]).

---

[1]) Члены Ревкома (Рухимович и другие) самолично разъезжали на автомобилях и срывали со стен воззвания комиссаров Керенского.

Надо заметить, что Ревком оффициально устранил старого губернского комиссара и его помощников, но они оставались, конечно, на свободе и делали что угодно. Новым губернским комиссаром был избран А. Попов (украинский эсер) и его помощником Тимошенко (украинский с.-д.).

[2]) Случалось неоднократно, что Губернский Общественный Комитет не принимал никаких решений вследствие мертвенности заседаний.

Еще в апреле один из делегатов-крестьян как-то с досадой выразился:

«Зберуться, побалакають, та й розійдуться, нічого не зробивши»... 12-го мая Совет решил отозвать из Общественного Комитета своих представителей; представители Совета оставались «временно» только в Исполнительном Бюро Комитета. Бессилие Общественного Комитета сказалось ярко в инциденте с реквизицией Советом типографии газеты «Утро». Эта типография принадлежала А. Жмудскому, заключившему когда-то договор с представителями партии эсеров о предоставлении типографии в их пользование.

Борьба сосредотачивалась вокруг Советов.

Об'явят ли они себя властью?

Позиции правящих советских партий сводились, в лучшем случае, к тому, что сейчас мы называем «викжеланием», т.-е., к попытке усесться меж двух стульев, угодить «и нашим, и вашим»...

Что касается «украинцев», то они круто переходили в наступление против рабоче-крестьянской революции.

«Украинизация» частей, проводившаяся по распоряжению Центральной Рады, вносила раскол в воинские части, не классовый раскол, а национальный и создавала опору шовинистической контр-революции [1]). В Харькове были «украинские» броневики.

Таким образом наметились три основных центра социальных сил:

1. Ревком;

2. Украинская Рада;

3. Совет Рабочих и Солдатских Депутатов.

Вокруг Ревкома были организованы эсеры, меньшевики и проч., стоявшие на позиции «Викжеля», сюда же примыкал Областной Комитет Советов, находившийся в руках меньшевиков и эсеров.

Неизвестно по чьей вине (Жмудский уверял, что по вине эсеров) договор был расторгнут, и Жмудский заключил новый договор с представителями партии к. д. Совет решил реквизировать типографию и передать ее эсерам.

Общественный Комитет метал громы и молнии. Но против Совета итти было трудно.

Эта история послужила причиной ухода Е. Москова (кадета) с поста комиссара полиции. Но самое пикантное в этом инциденте было то, что когда вопрос о реквизиции типографии газеты «Утро» был поставлен на обсуждение исполнительного бюро Общественного Комитета, то бюро, чувствуя свое бессилие, санкционировало реквизицию типографии; то же повторилось на заседании Общественного Комитета (23-го мая), признавшего (+35,—25) настоящую реквизицию «правильной», но умолявшего Совет впредь не производить других самовольных реквизиций.

[1]) Солдатская секция Совета, а также представители полковых комитетов относились отрицательно к идее «украинизации» частей, как вообще к Центральной Раде, справедливо обвиняя последнюю во враждебных действиях против революционных рабочих и солдат и союзе с Калединым.

Вокруг Украинской Рады централизовались силы «национальной» контр-революции. «Украинцы» имели в своих руках губернский комиссариат и пост начальника гарнизона [1]). Одно время их влияние простиралось и на Ревком.

Большевики организовывали массы вокруг Советов.

Между Советом и Ревкомом не было идентичности. Ревком был определенно соглашательским; что касается Совета, то он был, правда, не всегда, но, по крайней мере, изредка, выдержанно-революционным, что об'яснялось расплывчатостью политической физиономии эсеров и расколом в рядах «украинцев», ослаблявшими позицию соглашателей.

Но такое положение не могло долго продолжаться. Надо было равняться по Питеру и Москве и добиваться полного перехода власти в руки Совета. В старые меха не льют новое вино. Совет должен был быть переизбран.

И харьковские большевики выступили с такой «программой-минимум».

Во всю ширину 1-го номера «Донецкого Пролетария» [2]) была отпечатана эта «программа-минимум»:

Что должны сделать харьковские рабочие и солдаты немедленно?

1. Переизбрать харьковские Советы, которые разошлись с волей харьковского пролетариата и солдат и с решениями С'езда Советов.

---

[1]) Начальником гарнизона был украинский «социалист» Чеботарев, сменивший генерала Курилко.

[2]) 1-й номер «Донецкого Пролетария» — орган Областного Комитета партии, вышел 2-го ноября. Редакторами газеты были назначены Быстрянский (Ватин) от Областного Комитета и автор этих строк от Харьковского Комитета. Быстрянский между тем был делегирован в Петербург на 2-ой С'езд Советов и больше не вернулся в Харьков. На его место был назначен Сурик. Через короткое время состав редакции изменился: Васильченко, Жаков и Разин (Филов). Первые номера «Донецкого Пролетария» были выпущены мною при содействии Е. Оболенского (Н. Осинского), оказавшегося в момент октябрьского переворота в Харькове. Тому же Н. Осинскому, принадлежит редакция приводимых ниже лозунгов. «Донецкий Пролетарий» вышел после периода долгого вынужденного молчания большевиков, так как «Пролетарий», не выдержав неравной борьбы с предпринимателями и меньшевиками-печатниками, должен был умолкнуть.

2. Добиться перехода всей власти в руки Советов Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов.

3. Вооружаться для защиты пролетарско-крестьянской революции от врагов ее.

4. Заменить милицию рабочей красной гвардией, а затем всенародной, постоянно сменяемой милицией.

5. Добиться разорения всех контр-революционных гнезд, расположенных вокруг Харькова.

6. Требовать ареста бывших комиссаров, разгона контр-революционных комитетов и ареста их руководителей.

7. Добиться закрытия буржуазных газет и конфискации их типографий для нужд рабочей печати.

8. Потребовать от теперешней Городской Думы—впредь до ее переизбрания — применения декрета Правительства Народных Комиссаров о продовольственном деле.

9. Требовать от переизбранных Советов немедленного установления рабочего контроля над производством и контроля над банками, а также немедленного применения декрета о передаче крестьянам помещичьей земли.

3-го ноября нами захвачена Епархиальная типография (на Каплуновской улице), где печаталась черносотенная газета «Русская Жизнь».

В декабре была захвачена типография газеты «Южный Край» (при содействии отрядов Антонова (Овсеенко), Народного Комиссара по борьбе с контр-революцией, прибывшего в Харьков), куда перешел «Донецкий Пролетарий» и где печатался орган Центрального Исполнительного Комитета Украины (ЦИКУК), «Вестник Украинской Народной Республики».

Характерно отметить отношение меньшевиков и эсеров к факту захвата буржуазной газеты и ее типографии рабочей партией. Исполнительный Комитет Рабочих и Солдатских Депутатов, соглашаясь на закрытие контр-революционного «Южного Края» (+19 голосов,— 13 голосов), постановил освободить типографию от реквизиции и передать ее «законному» владельцу (+17,—16). Исполнительный Комитет Крестьянских Депутатов оказался еще последовательнее, он не санкционировал ни реквизиции типографии буржуазной газеты, ни ее закрытия.

Когда Городская Дума определяла свое отношение к октябрьскому перевороту, эсеры, вняв голосу партии народной неволи, вынесли протест против ареста контр-революционеров (Кишкина и других), меньшевики (Поддубный А.) предложили также протестовать против насилий над Плехановым и Гоцом.

«Мы требуем закрытия буржуазных газет в Харькове!» — обращается к Ревкому «Донецкий Пролетарий».

Буржуазия вопит о «свободе печати». Но в чьих руках типографии? «Весь запас бумаги в кладовых газет купцов, попов и прочих печальников «свободы печати». В их же руках—телеграф, телефон, почта, наемный труд и проч., десятки и сотни тысяч свеже отпечатанных газет выбрасываются ежегодно на рынок из пасти ротационных машин. В чьих руках эти машины? О чем пишут наймиты? Они не пишут, а... плюются. Они засоряют улицы наших кварталов шелухой своей клеветы и ядовитой слюной ненависти к свободному строю свободной России. Хорошо оплачиваемые лакеи пера в уютных редакционных кабинетах «делают» известия. Кто измышляет известия о победах Керенского, о «сдаче» крепости кронштадцами, о «трусости» млыновцев (607 полка) и проч.? Кто подхватывает эти «известия» и разносит их по всей России и заграницу? Кто пускает в ход злостную клевету на рабочих, солдат и крестьян?

— Керенский и его газеты—«Общее дело», «Южный Край» и проч.

Кто провоцирует погромы, убийства и насилие, неподчинение воле большинства?

— Буржуазная пресса!

Но конец, конец этому! Восставший народ должен иметь в своих руках весь арсенал свободной печати».

И «Донецкий Пролетарий», без ложного смущения, заявлял:

«Мы требуем удушения газет «Русская жизнь» и «Южный Край» [1]).

Ясное дело, старый Совет и Ревком не были достаточно революционны для осуществления требований пролетариата. И вот закипает предвыборная борьба вокруг Совета.

Меньшевики и эсеры шли под лозунгом Викжеля («от народных социалистов до большевиков»), большевики развернули старое знамя с лозунгом: «Вся власть Советам».

На крупнейших заводах победа досталась полностью большевикам.

---

[1]) «Донецкий Пролетарий» № 3, 4 ноября 1917 года, статья Эрдэ.

На заводах-гигантах (Паровозостроительный и Всеобщей Компании Электричества) результаты выборов были убийственны для соглашателей.

На заводе Всеобщей Компании Электричества:

Принимало участие в голосовании—3488 человек.

Подано:

За большевиков	2849	голосов
„ эсеров	1516	„
„ меньшевиков	251	„
„ анархистов	191	„

За большевиков было подано больше 80 процентов.

На Паровозостроительном заводе:

Принимало участие в голосовании—3734 человек.

Подано:

За большевиков	2459	голосов
„ украинских с.-д.	516	„
„ социал-революционеров	274	„
„ меньшевиков	227	„
„ беспартийных	163	„

Большевики собрали свыше 65 процентов поданных голосов, меньшевики еле 6 процентов, т.-е. в 10 раз меньше.

Большевики, однако, и на этот раз не получили абсолютного большинства в Совете, но дальнейшая борьба за революционизирование Совета значительно облегчалась. Одновременно меньшевики и эсеры теряли почву под ногами в Областном Комитете Советов. 17-го ноября Областной Комитет стал на позицию Викжеля (докладчиком выступал меньшевик Рубинштейн [1]). На пленуме Областного Комитета были представлены две точки зрения: меньшевиков и большевиков.

Меньшевики заявляли, что «существующее правительство одной партии не может вывести страну из переживаемого ею критического положения» и, что необходимо скорейшее

---

[1]) Возражал Артем.

создание авторитетной для всей революционной демократии власти по соглашению между всеми социалистическими партиями на платформе интернационалистических фракций и «Викжеля».

Большевики предложили пленуму Областного Комитета приветствовать Совет Народных Комиссаров.

Это предложение было отвергнуто.

Областной Комитет принял резолюцию Бэра (меньшевика): 12 голосов против 8.

Фракция большевиков вынуждена была заявить:

«Ввиду того, что хозяйственная и экономическая разруха достигла самых крайних пределов и требует немедленных решительных мер, а принятая резолюция связывает и не дает возможности принять решительные меры по борьбе с разрухой, мы складываем с себя ответственность за последствия, могущие произойти до с'езда».

В декабре состоялся, наконец, новый с'езд Советов донецко-криворожского бассейна[1]). Большевики получили большинство.

Новый Областной Комитет сконструировался 15-го декабря. В президиум вошли одни большевики[2]), так как меньшевики и эсеры отказались принимать участие в выборах.

Они вообще занялись под шумок политикой срыва[3]) рабоче-крестьянской революции, которая как-никак была фактом. Меньшевики злорадствовали по поводу каждой неудачи Советской власти, особенно в момент, когда среди членов Центрального Комитета большевиков обнаружились большие несогласия[4]), и когда некоторые члены Совнаркома покинули свои посты.

Эн-Эн (теперь большевик) писал с захлебывающейся радостью, не обнаруживавшей в авторе большой догадливости:

---

[1]) К этому С'езду присоединилась часть Киевского С'езда Советов, ушедшая оттуда вследствие подтасовки состава С'езда Центральной Радой и вместе с донецко-криворожским С'ездом выделившая ЦИКУК. (Об этом подробнее во второй книге).

[2]) Председатель—Васильченко, товарищ председателя—Магидов, секретари—Жаков и Тевелев (последний был убит немцами в 1918 году).

[3]) Сейчас мы сказали бы: «занялись саботажем»...

[4]) Харьковцы осудили поведение Каменева и Зиновьева в тот момент. Меньшевистский «Социал-демократ» вздумал защитить «бедного» Каменева от харьковских большевиков.

«Большевики сами распались... Социалистический курс Ленина и Троцкого уже не есть курс большевистской фракции. Ответственные лидеры фракции отреклись от него. От него отрекаются также и рабочие массы, до сих пор шедшие за большевиками, как от явно-гибельного и утопического».

Меньшевики и эсеры считали гибельной гражданскую войну, т.-е. борьбу рабочих с буржуазией.

Эсеровская «Земля и Воля» прямо писала: «Долой гражданскую войну!» [1]). На страницах «Социал-демократа» этот лозунг повторялся изо-дня в день.

Большевики были в представлении соглашателей утопистами, наивными мечтателями, «ленинцами», а то просто душителями и убийцами. Качинский и Алексеев из «Земли и Воли» (оба сейчас—большевики) грозили сбросить Ленина и Троцкого «за борт революции» и заявляли:

«Нам по дороге с теми, кто пытается создать однородно-демократическую власть... С Лениным и Троцким нам не по дороге» [2]).

Меньшевики не могли одобрить действий большевиков, так как революция, по их мнению, совершалась без всякого порядка

---

[1]) «Земля и Воля» № 206, от 18 декабря 1917 года.

[2]) Так заявляли левые эсеры. Раскол партии эсеров получил на Украине оформление в декабре 1917 года. В начале этого месяца собрался 1-ый Всеукраинский С'езд эсеров. С докладами об учредилке выступили Скловский и Залужный, об об'единении с украинскими эсерами—Терлецкий.

Левые эсеры не приняли участия в решении организационных вопросов и в выборах Краевого Комитета.

В Комитет попали: Скловский (центр), Залужный (левый центр), Лагунов (правый), Пашутинский (центр), Гуревич (левый центр), Дешевый (центр), Зарубин (правый) и Верле (левый центр). Характерно, что этот С'езд искал опору против большевиков в контр-революционных украинских кругах. С'езд приветствовал «Украинскую Народную Республику и III Универсал», нашел «излишним переизбрание Центральной Рады» и решил «принять участие в Генеральном Секретариате» (против голосовали Терлецкий, Натансон, Черневский, Ишханов и другие, всего 10 чел.; За резолюцию голосовало 18, воздержалось 4). Меньшевики ориентировались на «российскую» контр-революцию, но нельзя сказать, что они были против Центральной Рады в ее борьбе с рабоче-крестьянской революцией.

Меньшевистский «Новый Луч» хотел представить борьбу Совета Народных Комиссаров с Центральной Радой, как акт враждебных действий большевиков против «Украины».

и без плана. Во всем они склонны были видеть «безумие», «ужас», непривычный стремительный бег неведомо куда...

«Временщики—большевики мчатся полным ходом в царство социализма—восклицал «Социал-демократ»: они разогнали московскую Думу. Наши машинисты—большевики на своем неудержимо быстром паровозе мчатся с невероятной быстротой уже не в царство социализма, а в мир безумия и бессмыслицы... Позор и ужас!».

Одно оставалось утешение: верить в то, что большевики погибнут через «две недели»... «Еще несколько дней, и эта власть падет»,— писал Сан.

Меньшевики издевались над «декретоманией» Ленина и Троцкого.

«Теперь с минуты на минуту ждут нового декрета — иронически писали они:— согласно этому декрету все отказывающиеся повиноваться большевистскому правительству ...будут лишаться пайка».

Совсем грубой провокацией занялись «украинцы» (как потом выяснилось, директивы шли непосредственно из Киева).

Сначала они обстреливали большевистские позиции из своих «Вістей з півдня», затем стали готовиться открыто к захвату власти [1]), а в «Новой Громаде», редактировавшейся

«Они (т.-е., большевики) за полное право Украины на самоопределение. Но демократический центральный орган Украины, ее Рада, не имеет права решать у себя вопрос о передвижении войск. Пусть большевистские войска свободно двигаются через Украину!—писали меньшевики. Пусть они грабят и разоряют ее по дороге. Пусть у нее под боком они громят соседние области: Дон, Кубань—с тем, чтобы завтра повернуть свое оружие против Украины. Полное подчинение власти Народных Комиссаров! Беспрекословное подчинение их распоряжениям».

Такова была позиция меньшевиков в момент, когда Каледин простер свою власть над Донецким бассейном, когда Ростов и Нахичевань оказались разгромленными контр-революцией, когда Центральная Рада разоружала революционные части и не пропускала советских эшелонов с фронта, свободно пропуская калединские части! «Нейтралитет» в эту минуту был равносилен прямой измене.

[1]) Петренко грозил «украинскими штыками», а М. Панченко, украинский эсер, подал заявление в Исполнительный Комитет Крестьянских депутатов, что ввиду того, что Совет Народных Комиссаров находится в состоянии войны с Украинской Народной Республикой, украинские эсеры выходят из Ревкома. Прежний Ревком распался. Власть снова оказалась «ничьей»...

Довбищенко, не брезгали клеветническими сплетнями a la Алексинский и Бурцев.

«Нова Громада» утверждала со слов «очевидца, вполне заслуживающего доверие», что в Петербург «прибыл уже из Стокгольма фон-Люциус (немецкий посланник в Швеции), который открыл немецкий штаб на Мойке с отделом в Смольном Институте. Главная задача этого штаба — по словам «очевидца»—завершить экономическим завоеванием России те военные и дипломатические победы, которые одержаны немцами в Галиции, под Ригой, на Балтийском море и в Брест-Литовске». «Очевидец» далее утверждал, что северный фронт уже «открыт немцами» и что скорыми поездами Рига—Петроград, будто бы уже функционирующими, немцы могли бы быстро заполнить (занять?) столицу Севера, но нынешний Петроград, голодный и холодный, не привлекает немцев. Петроград соблазняет немцев, как стратегический пункт, откуда немцы могут совершить захват Донецкого бассейна с его богатыми рудничными сокровищами. «Использовать Россию, как военную силу, заставить работать во славу и на пользу немецкого оружия российские фабрики и заводы — таков один из проектов, в изобилии сочиняемых теперь в Берлине».

Таковы были литературные нравы харьковской «украинской» печати.

«Нову Громаду» пришлось закрыть, и редактор газеты очутился под замком [1]). Обыск в редакции газеты дал пикантную картину контр-революционных сплетений Центральной Рады.

Большевики были единственной партией, которая наметила себе ясные и определенные цели и шла к осуществлению этих целей твердым шагом, и с открытыми глазами. Но и среди левых эсеров, среди рядовых работников нашлись революционные элементы. С помощью этих немногих союзников большевикам удалось, в конце концов, повернуть деятельность Совета на новый путь.

Совет стал, наконец, властью. 10-го ноября Совет признал себя органом власти, приняв резолюцию большевиков и отвергнув резолюцию эсеров (120 голосов за большевиков,

---

[1]) В качестве комиссара по делам печати, я распорядился не допустить печатание газеты под другим названием и закрыл «Вільну Громаду».

75—за эсеров). Председателем Совета был в этот исторический вечер В. Межлаук, товарищами председателя—Друян (серповец), Куприянов (меньшевик) и Медведев (украинский с.-д.), секретарями—Полетаев (большевик) и Павлов-Сильванский (эсер).

С докладом о реорганизации Совета выступил Ерухимович (левый эсер), предложивший схему отделов реорганизованного Совета [1])

В защиту идеи Советской власти выступили на заседании: Артем, Петровский, Магидов и другие и часть левых эсеров Живов и Ерухимович.

Совет утвердил предложенную схему и принял следующую резолюцию:

«Харьковский Совет рабочих и солдатских депутатов приветствует свержение рабочими, солдатами и матросами правительства буржуазно-контр-революционного, возглавлявшегося Керенским, приветствует все резолюции, принятые 2-м С'ездом Советов, и признает выбранный им Центральный Исполнительный Комитет законным органом, приветствует единственное законное общероссийское правительство Народных Комиссаров, созданное и

---

[1]) Не безынтересно остановиться на этой схеме, первом грубом наброске Советского аппарата власти. При Совете должны были быть организованы 13 отделов с под'отделами:

1. Отдел труда. Под'отделы: Профессиональный, обмена рабочих сил, спроса и предложения труда, статистический.

2. Продовольствия. Под'отделы: местный: а) продукты питания, б) мануфактурный, в) обувный, г) статистический; областной.

3. Связи.

4. Иногородний.

5. Муниципальный. Под'отделы: местного самоуправления, жилищный.

6. Земский.

7. Юридический. Под'отделы: следственный, конфликтный, помощи населению юрисконсультскими советами.

8. Агитационный. Под'отделы: местный, иногородний, связи.

9. Госпитальный.

10. Призрения семейств призванных. Под'отделы: снабжения, пенсий и пособий, юридический.

11. Мандатный. Под'отделы: мандатный, наказный, проверочный.

12. Финансовый. Под'отделы: снабжения, контроля, бюджетный.

13. Транспортный. Под'отделы: железнодорожный, гужевой, водный.

Кроме этих отделов, при Совете должны были функционировать такие части: общее делопроизводство, бухгалтерия, контроль и касса.

ответственное перед Центральным Исполнительным Комитетом Совета рабочих и солдатских депутатов а, по созыве 2-го Всероссийского С'езда Крестьянских депутатов, и перед Центральным Исполнительным Комитетом крестьянских депутатов, приветствует имеющие силу закона все неотмененные декреты Совета Народных Комиссаров. Признавая желательность организации страны на федеративных началах и приветствуя почин Украинской Центральной Рады, об'явившей Народную Республику Украины, мы признаем, что и на Украине, как и во всей остальной России, вся власть, и на местах, и в центре, должна принадлежать С'езду Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов и секретариату, и приложим все старания созвать в самый кратчайший срок Украинское Учредительное Собрание».

Читатель без труда уловит некоторые двусмысленности и недоговоренности в резолюции, но не следует упускать из виду что большевики имели непрочное большинство в Совете даже при поддержке части эсеров и «украинцев». К тому же, в ноябре, наши отношения с Радой еще не были окончательно испорчены.

Таким образом, Совет рабочих и солдатских депутатов был вырван из рук эсеро-меньшевистского блока [1]).

Оставалось выбить почву из-под ног украинских шовинистов.

Надо было лишить их реальной опоры, что могло выразиться только в разоружении украинских частей. Решительные шаги в этом направлении были предприняты в первых числах декабря.

С 7-го декабря в городе заметно было нервное настроение в связи с ультиматумом, посланным Совнаркомом Центральной Раде, а также в силу массовых обысков, производившихся красногвардейцами в столовых и гостиницах [2]). 8-го декабря не вышел, вследствие забастовки печатников, «Южный Край», это усилило панику в некоторых кругах. В тот же день, 8-го декабря, нами были заняты почта, телефон, телеграф и Управление южных железных дорог.

---

[1]) О том, чтобы вырвать немедленно, по примеру Совета рабочих и солдатских депутатов, из рук эсеров Совет крестьянских депутатов,—не могло быть и речи. Для достижения этой цели нужна была продолжительная упорная работа, она только начиналась.

[2]) Во главе Харьковской Красной Гвардии стоял Центральный Штаб, куда входили: Рухимович, Пастер, Корнеев, Гринь и Чепурнов.

Служащие почты, телеграфа и телефона забастовали.

В 6 часов вечера того же дня состоялось экстренное об'единенное совещание комитетов социалистических партий. Но, покуда на этом совещании шли разговоры, большевистские части заняли броневой дивизион (в ночь на 9-ое декабря), предварительно обстреляв его. 9-го декабря «Южный Край» был занят Красной Гвардией [1]).

Забастовка на телеграфе, почте и телефоне продолжалась. Комиссар, назначенный Ревкомом, уволил бастующих.

Днем, 9-го декабря, случайно были убиты 2 мирных граждан у Дворянского Собрания (на Николаевской площади, теперь площадь Тевелева). Это были единственные жертвы переворота в Харькове.

Власть прочно перешла к Совету.

Красная гвардия заняла еще радио-станцию и рассыпалась по городу в виде патрулей.

Через короткое время был разоружен 2-ой Украинский полк. Среди самих украинцев произошел, как и следовало ожидать, раскол.

Часть сотен (11, 12, 14) сами сдали оружие, побуждая других поступить так же. Разоружение полка произошло без излишней сумятицы.

К казармам под'ехали наши броневики и обстреляли полк из пулеметов (на улице оказалась раненой какая-то женщина). 2-ой батальон сдался целиком и даже сам открыл стрельбу по «своим».

Часть офицеров была тут же арестована. Командиру полка удалось, однако, скрыться [2]).

Выборы в Учредительное Собрание, так долго откладывавшиеся Временным Правительством, состоялись, наконец, в короткое время после октябрьской победы рабочих и крестьян. В Харькове (судя по спискам партий и групп, фигурировавших при выборах) — представленными оказались:

---

[1]) Союз журналистов выпустил в виде протеста однодневную газету «Свободное Слово».

[2]) Нам досталось свыше 20 пулеметов, отнятых у «украинцев».

I. ПРАВЫЕ

1. Аграрии. (Список «земельных собственников»).
2. Попы. (Список «церковных приходов»).

II. БУРЖУА

1. Кадеты.
2. Торгово-промышленная группа.
3. Евреи-буржуа. («еврейский национальный блок»).
4. Немцы-буржуа. (Список «русских граждан немецкой национальности»).
5. Сюда же нужно отнести группу мелко-буржуазных радикалов, по недоразумению именующих себя до сегодняшнего дня «социалистами» (народные социалисты, «Единство», правые эсеры, меньшевики-оборонцы, каждая из этих групп выступала с самостоятельным списком; кооператоры блокировались с группой «Единство», но также шли отдельно, независимо от партийного списка группы «Единство»).

В социальном смысле к группе буржуазных радикалов примыкали кулаки в деревне и буржуазная интеллигенция в городе и деревне (адвокаты, кооператоры, земцы, подкупленные приказчики, управляющие и прочие).

III. МЕЛКИЕ БУРЖУА

1. Эсеры.
2. Меньшевики-«интернационалисты».
3. «Серп» и «Поалей-Цион».

IV. РАБОЧИЙ КЛАСС И БЕДНЕЙШЕЕ КРЕСТЬЯНСТВО

Большевики.

Обращает на себя внимание тот факт, что украинские партии не выставили своих списков, хотя могу констатировать, что украинские с.-д. вели одно время переговоры с харьковским Комитетом большевиков об общем списке, но на чем-то не сошлись[1]). Поражает обилие списков (19), но в то же время почти совершенно нет обывательских групп («беспартийных»)

[1]) Украинские эсеры шли в блоке с российскими эсерами.

которые выплыли на поверхность в июле при выборах в Городскую Думу. Этот факт говорит за то, что политическое самосознание масс выросло.

«Самоопределились» правые группы, которые было спрятались при выборах в Городскую Думу и голосовали за «№ 1» (список кадетов). Расщепились на два лагеря бесформенные мелкобуржуазные партии меньшевиков и эсеров[1]). Хотя «блоков» почти не оказалось, но это указывает только на стремление партийных групп не упустить удобного момента «себя показать и людей посмотреть», не теряя своей политической физиономии.

Но все 19 списков, фигурировавшие при выборах в Учредительное Собрание, укладываются в т р и больших группы:

1. Р е а к ц и о н е р ы и к о н т р-р е в о л ю ц и о н е р ы. (Аграрники, попы, кадеты, купцы и промышленники, сионисты, «русские граждане немецкой национальности», народные социалисты, плехановцы, правые эсеры и меньшевики-оборонцы).

2. К о л е б л ю щ и е с я м е л к и е б у р ж у а. (Меньшевики и эсеры) и

3. Р а б о ч и й к л а с с. (Большевики).

Реакционеры и контр-революционеры имели ясную и определенную программу: с в е р ж е н и е б о л ь ш е в и к о в и в о з в р а т к п р о ш л о м у.

Далеко не такой ясностью отличалась «платформа» меньшевиков и эсеров.

Меньшевикам казалось, что они наносят одновременно удары «налево» и «направо», когда они, примерно, так писали: «Списки оборонцев (9, 11, 14 и 15) — это списки той части демократии, которая повинна н е м е н ь ш е б о л ь ш е в и к о в в том кризисе, в т о м у ж а с е, который мы теперь переживаем»[2]).

«Ужасом» была для них гражданская война.

---

[1]) Меньшевики-оборонцы, находясь в о д н о й п а р т и и с меньшевиками-«интернационалистами», шли под самостоятельным флагом и вели борьбу со списком «интернационалистов». Это разительный факт! Левые эсеры к тому моменту выделились в организацию «левых эсеров». Из организации ушла правая думская фракция; четыре члена комитета (Иваницкий и другие) покинули организацию.

[2]) «Социал-демократ», № 189, от 12 ноября 1917 года.

Список № 3 (большевиков) — утверждали меньшевики— «это список борьбы со стачечниками, при помощи голода; список уничтожения свободы печати; список террора и штыков; список, принесший голод Петрограду, Москве и фронту» и т. п.

Словом, и колеблющиеся мелкие буржуа, и просто буржуа, и аграрии — все 18 списков — одинаково злобно преследовали партию пролетарской революции, об'единяясь в этой ненависти. Эта ненависть роднила партии мелкой буржуазии с партиями и группами средней и крупной буржуазии, и этим, думается, можно об'яснить тот факт, что итоги выборов в Учредительное Собрание в городах показали рост крайних партий: большевиков, с одной стороны, и кадетов — с другой. Промежуточные группы «рассосались» [1].

В Харькове и губернии итоги выборов в Учредительное Собрание были таковы:

№№ списков	ПАРТИЯ ИЛИ ГРУППА	Число голосов в Харькове	Число голосов в губернии
1	Церковные приходы	3647	8995
2	Земельные собственники	890	12445
3	Большевики	27336	110846
4	Меньшевики-«интернационалисты»	4057	11978
5	Эсеры	12537	650386
6	Ка-де	24866	59509
7	[2] —	—	—
8	Поалей-Цион	54	847
9	Меньшевики-оборонцы	3228 [3]	5797
10	Еврейский национальный блок	5302	6345
11	Народные социалисты	6980 [4]	11516
12	Торгово-промышленная группа	1712	6096
13	«Серп»	681	901
14	«Единство»	1058 [5]	2972
15	Эсеры-оборонцы	3982	33913
16	Русские граждане немецкой национальности	1725	4921
17	Крестьяне сумского уезда	7	187
18	Крестьяне змиевского уезда	12 [6]	290
19	Кооператоры и «Единство»	12	582

[1] В деревне эсеры в этот момент еще сохранили свои позиции, благодаря специфичности социальных расслоений деревни.

[2] Мелкая буржуазная группа получила всего несколько десятков голосов, названия группы, к сожалению, не мог установить.

[3] По другим источникам 3300.

[4] По другим источникам 6480.

[5] По другим источникам 1096.

[6] По другим источникам 19.

Большевики получили по Харьковской губ. одно место [1]).

Что показали выборы в Учредительное Собрание?

Они показали наглядно, что рабочие поддерживают большевиков и покидают соглашателей. В июле эсеры одержали неожиданную для них самих колоссальную победу. В декабре они потерпели на городских выборах полное поражение.

В июле эсеры получили 50% поданных в городе голосов, а у солдат даже свыше 80%, в декабре эсеры собрали в городе еле 10%, а у солдат эсеровские списки получили в совокупности 30% голосов. Что касается меньшевиков, то их дела оказались еще более плачевными. В июле они шли впереди большевиков, в декабре они еле собрали 4000 голосов из 100.000, т.-е., всего-на-всего 4%, в то время как большевики получили $^1/_3$ голосов.

Это не мешало, однако, А. Штерну доказывать, что большевики—узурпаторы и насильники. «Власть Совета—это власть большинства Совета, т.-е., большевиков, а большевики, как доказывают выборы, собрали лишь 19.363 голоса от постоянного населения Харькова и 8.623 голоса от воинских частей, всего же 27.986 голосов [2]) из общего числа 18.287 избирателей т.-е. 28%. Если же рассмотреть большевистские голоса по отношению к избирателям — постоянным жителям Харькова, мы получим, что они собрали лишь 23,5% голосов, т.-е., меньше четверти» [3]).

---

[1]) В нашем списке стояли: Артем, Муранов, Бубнов А., Лещинский, Аникеев (ст.-Краматорская), Кин П., Котлов (железнодорожный рабочий) Маракулец (Славянск), Пастер (рабочий Всеобщей Компании Электричества) Иванов Алексей, Татаринов (Чугуев), Буздалин, Поко, Сербиченко, Скороход, Гончаренко и Сапельников.

По Полтавской губернии первым в списке шел Троцкий Л., по Донской области — Васильченко и Сырцов, по Екатеринославской губернии Петровский Г.

Кандидаты меньшевиков:

Л. Мартов, Сан, Лазько, Светлов, Куприянов, Штерн, Бэр, Цуверкалов, Рожицын, Леонов, Попов Н., Левин, Клепиков, Соколов и Марков.

Эсеры выставили: Чернова В., Качинского, Святицкого, Северо-Одоевского, Михайличенко, Карелина, Алексеева, Стрельцова, Герасименко, Попова Н. М., Шкорбатова, Овчеренко, Кравченко, Дьяконова, Омельченко, Бакуменко, Иваницкого Ю., Слепанского, Холодовича, Козменко, Зубашева и Заливчего.

[2]) Эта цифра незначительно расходится с вышеприведенной, между прочим в пользу большевиков.

[3]) «Социал-демократ», № 193, от 17 ноября 1917 года.

От меньшевиков не отставали и эсеры, договорившись до того, что социализм станет возможным только тогда, «когда все трудящиеся поймут это» [1]) т.-е., необходимость социализма.

Раскол в рядах соглашателей, с одной стороны, и заметное падение их влияния даже на отсталые массы—все это выбивало почти совершенно из строя вчерашних властителей дум.

Центр борьбы социальных сил заметно перенесся в другое место. На Украине, где октябрьский переворот расчистил путь «самостийникам» всякого рода, главная борьба завязывалась вокруг важнейших центров революции и контр-революции: Советов во главе с ЦИКУК и Центральной Радой [2]).

Очерк этой борьбы, затянувшейся на долгие месяцы, будет мною дан во второй книге.

Здесь я замечу только вскользь, что ЦИКУК пришлось вести борьбу не только с Центральной Радой, не только с меньшевиками и эсерами [3]), но и внутреннюю борьбу с частью большевиков, с большевиками, которых сейчас мы назвали бы

---

[1]) «Наступления социалистического строя при настоящих экономических условиях невозможно. Для трудящихся всех стран и наций есть только один идеал—социализм. Когда все трудящиеся поймут это, наступит пора для осуществления социалистического строя».

Приведенный отрывок взят из эсеровской «платформы» к выборам в Учредительное Собрание.

[2]) Большевики готовились к этой борьбе. Развязывая себе руки для этой борьбы, большевики ликвидировали остатки политических органов времен Керенского, в частности, Городскую Думу. В конце декабря Областной Комитет Советов (большевистский) «захватил» Городскую Управу, между прочим, и водопровод. Меньшевики и эсеры были весьма недовольны таким поведением «насильников». В знак протеста они покинули заседание Совета, где в защиту разгона Думы выступали Орджаникидзе (представитель Совнаркома на Украине), Жаков и другие. Ночью состоялось об'единенное заседание советских фракций покинувших заседание партий. Было постановлено протестовать.

Последнее заседание Думы состоялось 30-го декабря. Кин заявил от имени гласных-большевиков: «Ввиду того, что Дума не выражает воли трудового населения,—большевики считают, что Дума должна быть распущена, и снимают с себя звание гласных».

[3]) 17 декабря конференция харьковских эсеров приняла резолюцию о непризнании ЦИКУК. То же заявляли меньшевики (см. «Юг», № 3, от 22 декабря 1917 г.). В «Земле и Воле» появлялись заметки такого рода: «Долой

«руссотяпами». Одним из таких «руссотяпов» был, несомненно, В. Тушин (Филов, будущий Народный Комиссар юстиции донецко-криворожской республики), поместивший в «Донецком Пролетарии» такую статью:

«Положено—пишет В. Тушин,—что бассейн финансируется из средств ЦИК Украины. Такое решение вопроса не только издевается над всякой тенью автономности, но резко противоречит логике экономической действительности. Последняя требует именно автономности донецкого и криворожского бассейнов, а не четвертования их на части по принципам, высосанным из пальцев. А если автономность, то, следовательно, зависимость только от Петроградского ЦИК, а не от областного украинского». Тушин настаивал на том, что бассейн должен быть «единым и автономным» «со всеми вытекающими отсюда последствиями, со всеми точками над і».

Харьковский комитет партии (по моему предложению, помню) выразил порицание автору этой статьи, но впоследствии

узурпаторов! Тем, кто ведет борьбу против украинского народа, было необходимо спровоцировать войну в глазах тех войск, на которые они опираются, и для этого надо было создать представление, что украинский народ в лице своего органа управления идет с ними. Для этого кучка людей и назвала себя властью на Украине — Центральным Исполнительным Комитетом Советов Украины. Но беда в том, что в этом ЦИК нет совсем украинцев, кроме одного». Эсеры тут намекали на Медведева, который был первым председателем ЦИКУК. Эсеры кончали статью возгласом: «Долой самозванцев! Долой узурпаторов, желающих заменить волю народа своей личной волей!».

Левые эсеры, хотя и входили в ЦИКУК, но отказывались принимать участие в составлении Народного Секретариата (так назывался «Совнарком» на Украине). За исключением, впрочем, Терлецкого, занявшего пост Народного Секретаря Земледелия.

Характерный штрих. На одном из заседаний Областного Комитета Советов было решено печатать извещения он заседаниях в «Донецком Пролетарии», «Известиях Юга» и «Земле и Воле», но не в «Вестнике Украинской Народной Республики», так как, по заявлению меньшевиков и эсеров «неизвестно что это за орган.

Замечу здесь в скобках, что в состав Областного Комитета Советов донецко-криворожского бассейна входили следующие районы: Харьковский, Екатеринославский, Таганрогский, Ростов-Донской, Новочеркасский, Ровенецкий, Чистяковский, Юзовский, Луганский, Александро-Грушевский и Криворожский.

в «Донецком Пролетарии» появились другие статьи не только в том же роде, но и еще в более острой форме [1]).

Харьковские большевики, взяв курс на «Цикдонбасс», несомненно совершили большую ошибку и положение ЦИКУК было бы совсем незавидно, если бы она не была поддержана войсками Антонова (Овсеенко), расположившегося в Харькове со своим «Северным летучим отрядом» [2]).

Вообще, нужно сказать, что отряды Сиверса I-го, Муравьева и Антонова, при неизбежности мелких эксцессов, сопровождавших их появление, вносили с собой всюду революционный дух и, в частности, в Харькове несколько расчистили атмосферу излишнего лавирования местных большевиков в отношениях с соглашателями. Против действий Сиверса ополчились все местные силы, и только потому, что матросы из отряда Сиверса участвовали вместе с рабочими Паровозостроительного завода и Всеобщей Компании Электричества в Чрезвычайном Трибунале, осудившем каких-то 9 бандитов на смерть за убийство комиссара красной гвардии.

Соглашатели хотели видеть в этом факте «восстановление смертной казни», отмененной декретом Совнаркома, не понимая того, что Совнарком отменил смертную казнь для рабочих и солдат, ранее погибавших на фронте.

А когда Антонов распорядился арестовать видных харьковских богачей, требуя от них контрибуции (1.000.000 руб.),— негодованию соглашателей не было конца. По настоянию эсеров, об'единенный Исполнительный Комитет рабочих, солдатских и крестьянских депутатов принял резолюцию, осуждающую действия Антонова.

Эсеры обвиняли Антонова в захвате власти и требовали освобождения арестованных капиталистов [3]). Дума, доживавшая свои последние часы, тоже, конечно, протестовала и с необы-

---

[1]) Наша фракция в ЦИКУК, будучи в Екатеринославе, протестовала против этой форменной травли Советского органа и решила направить свой протест в Центральный Комитет.

[2]) Об этом подробнее во второй книге.

[3]) Резолюция была принята 28 декабря.

чайным любопытством осведомлялась у знающих людей, когда же, наконец, уедет Антонов из Харькова [1]).

Мы видели, с какой дикой злобой встретили октябрьский переворот соглашатели.

Меньшевики откровенно ставили вопрос: «Каледин—или Ленин?»—и на этот прямой вопрос давали прямой ответ: «надо устранить Ленина, и только тогда Каледин потеряет почву под ногами» [2]).

Но Ленина оказалось не так-то легко устранить, а пророчества Санов повисли в воздухе.

К концу 1917 года, чреватого столь многими славными событиями, мы видим, что здравые нотки слышатся подчас у тех, кто раньше отвергал и самую мысль о власти Советов.

Эсеры, раньше проваливавшие неизменно лозунг «Вся власть Советам», принуждены были в конце концов согласиться с тем, что не так уж плоха она, власть Советов, ставшая реальным фактом.

«Ко всему положительному в роли Советов мы присоединяемся»,—писали левые эсеры,—«мы полагаем, что и фактическое управление и законодательство Советов в революционный период не послужат им и революции во вред, а лишь расширят революционные завоевания» [3]).

А подводя итоги всему содеянному Советской властью за короткий период ее существования, эсеры сознавались, что итоги «во всяком случае значительны».

«Правда, Советская власть не дала еще ни мира, ни хлеба, ни земли, ни воли, но она действует. Ее усилия направлены в определенную сторону, именно туда, куда устремлены желания всей демократии. И в этом ее сила и оправдание. Симпатии масс на ее стороне, не только солдат и рабочих, но, отчасти, и крестьянства, поскольку оно на стороне активной политики.

---

[1]) Под влиянием этой шумихи даже большевики потребовали к себе на заседание Антонова для об'яснений.

Замечу здесь для полноты картины, что не совсем были неправы те, которые обвиняли Антонова в сепаратных действиях и несогласованности с местной организацией.

[2]) «Юг» № 7, 3 декабря 1917 года.

[3]) «Земля и Воля», № 206, от 26 декабря 1917 года.

Большевики, стоящие у власти, не дали еще мира и не в их власти дать всеобщий мир. Но они сорвали войну, сделали невозможным ее продолжение в широком масштабе. Они, поэтому, приблизили час общеевропейского демократического мира. Они не дали твердой власти, потому что фактом захвата ее слишком глубоко взбаламутили многообразные классы и слои населения и эти высоко вздымающиеся волны, видимо, не скоро еще улягутся, но их заслуга, по крайней мере, в том, что теперь уже не может быть ни малейших сомнений или колебаний в пользу старой коалиционной формы власти, та форма убита октябрьским восстанием и ей уж нет возврата... Власть не дала еще народу уравнительного землепользования и не даст—это дело социалистов-революционеров путем Учредительного Собрания, но она облегчила ему, Учредительному Собранию, этот труд, убив своим декретом о земле помещичью собственность» и т. д.[1]).

Это был уже форменный панегирик! А меньшевики, наскучив ждать столь точно предсказанного Саном и другими падения большевиков, стали копаться в ошибках и грехах своей партии.

Эн-Эн обвинял свою же партию в том, что она «оффициально взяла на себя ответственность за самый низкопробный оппортунизм, за политику коалиции с крупной буржуазией, за политику саботажа всех завоеваний революции. И горькую вину (чашу?) в результате этой самоубийственной политики приходится пить до дна. Меньшевизм утратил свое обаяние в рабочей среде. Там почти безраздельно господствует большевизм» [2]).

Эти слова должны были прозвучать похоронным звоном для партии, которая в союзе с буржуазией прошла бесславный путь коалиционной власти.

Но, однако, процесс разложения мелко-буржуазных партий завершился значительно позже.

Об этом надо рассказать в другом месте.

---

1) «Земля и Воля», от 22 декабря 1917 года.
2) «Социал-демократ», № 191, от 15 ноября.

СОДЕРЖАНИЕ

стр.

Предисловие . . . . . 3—5

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Харьков в февральские дни

«На Шипке все спокойно».— Городской Общественный Комитет.— «Законно-ли Временное Правительство?».— Жандармы за новую власть.— Аресты.— Среди солдат.— На заводах.— Совет рабочих депутатов.— Был-ли Исполком «властью»?— Деревне нужна «новая власть».— Призыв большевиков к гражданской войне. 9—18

ГЛАВА ВТОРАЯ

Борьба партий и классов в первый период революции (до июльских дней)

«Постольку, поскольку»...— Большевики не имеют программы.— Об'единяться-ли с меньшевиками?— Признавать-ли Временное Правительство?— Война до победного конца, мир без аннексий и контрибуций и... «долой войну!» — Офицеры и солдаты.— Партия Погодина и Антония.— Кадеты.— Народные социалисты.— Эсеры.— Украинские эсеры.— Меньшевики.— Украинские социал-демократы.— Большевики.— Борьба за 8-мичасовой рабочий день.— Борьба за повышение заработной платы. . . . . 21—50

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Тревожные дни (3—5 июля).

Волнения на заводах.— Движение чернорабочих.— Промышленники прибегают к скрытому локауту.— Горнорабочие и горнопромышленники.— Демонстрация 18-го июня.— Крах коалиционной политики.— Переломные дни.— Позиция большевиков после июльского разгрома.— Харьковский Совет о событиях.— Революционный «Штаб».— История одной большевистской газеты . . . . . 53—69

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Стр.

Борьба партий и классов во второй период революции (после июльских дней)

Выборы в «настоящую» Думу.— Рабочие собираются выступить 1 августа.— Стачка на Паровозостроительном.— Капиталисты наступают.— «Программа минимум» контр-революции.— Аресты директоров заводов.— Революционный Штаб ликвидирует забастовку.— Новый Харьковский Совет.— Московское совещание.— Корниловщина.— 12 властей в Харькове.— Бред-парламент.— Эсеры голосуют против лозунга: «земля крестьянству».— Накануне октябрьских дней: демонстрация 14 сентября . . . . . 73— 89

ГЛАВА ПЯТАЯ

Октябрь.

«Военно-революционный комитет».—Ревком и Совет.— Позиция Викжеля.— «Долой гражданскую войну!»— Литературные нравы.—Довбищенко и «Нова Громада».— 10-е ноября: совет берет власть в свои руки.—Разоружение 2-го украинского полка.— Выборы в Учредительное Собрание.— Муравьев, Сиверс, Антонов, ЦИКУК, ЦИКдонбас и Центральная Рада . . . . . 93—117

26

1-а ГОСУДАРСТВЕННАЯ ЛИТОГРАФИЯ, ХАРЬКОВ.